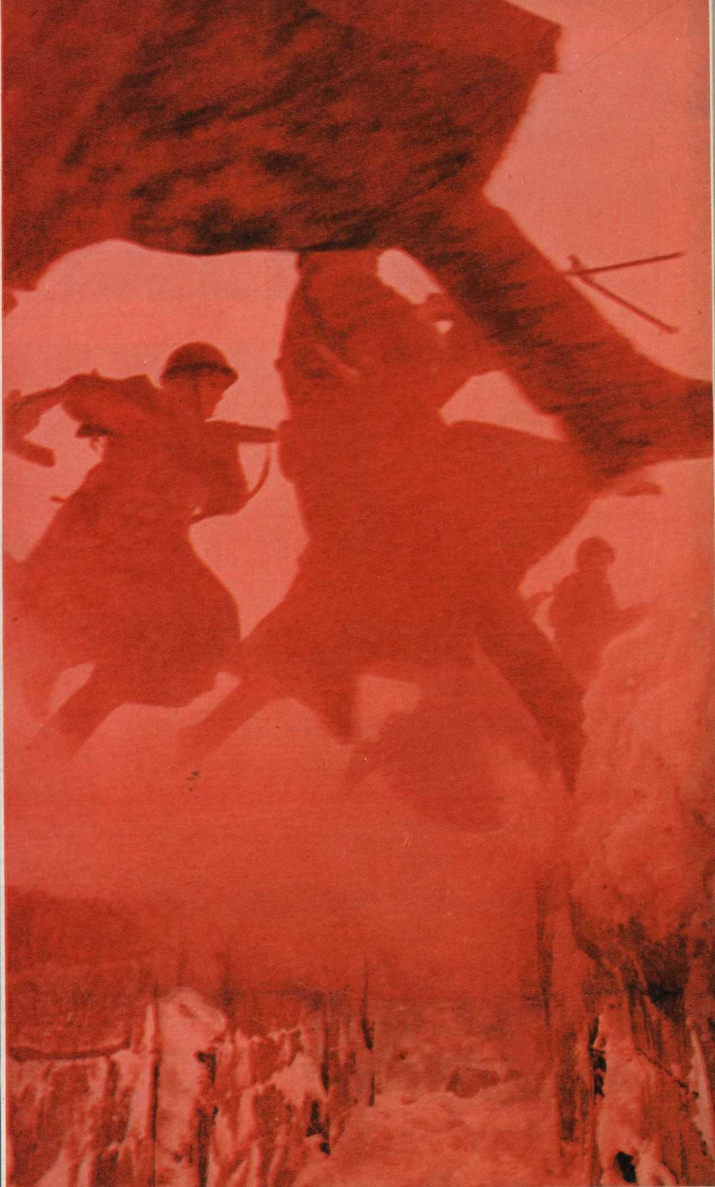

ОМЕНА

№ 4 ФЕВРАЛЬ 1967

ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

8. СИБИРЬ (1897—1898)

Многих толчком к выходу для всех нас, революционно-марксистов того времени, был в этот важный период своей жизни Владимир Ильич. От него шла те токи, которые предрасполагали нас, находившихся в непосредственной близости к нему, от тех опасностей, отрыва от живой действительности, которые подрывали самобытность братьев.

Г. КРИЖАНОВСКИЙ

— Сибирь (Енисейская губерния), — пишет Ленин 7 марта 1920 года, вспоминая о трехлетней ссылке в 1897—1900 годах. В уме приводившейся «личной агитке» делегатов Девятой Всероссийской партийной конференции Владимир Ильич отмечает в графе о впечатлениях за революционную деятельность:

— Арест и ссылка в Восточную Сибирь) 1895.XII—1900.

Отвечая на вопрос «Сколько времени пробыл в ссылке?», Ленин сообщает:

Три года (Енисейский губерний, Минусинский уезд).

«Пробы», в административной ссылке 3 года... За эти три года «выпало» восемь ленинских книг — пять оригинальных и три переводных. И среди них самое значительное после «Книжки» — произведение марксистской экономический мысли — монография «Развитие капитализма в России». За годы ссылки Владимир Ильич написал более тридцати различных статей и свыше двух сотен лишь частично сохранившихся писем.

«В Шуше, у подножья Саяна...»

Осенью 1900 года Крутская отмечала, что всегда глубоко погруженный во внутреннюю духовный мир Ленин «совсем не умеет писать о своей личной жизни». Это справедливо, однако, неписательский Владимир Ильич с рождением, еще неизвестной тогда Надежде Константиновне. О жизни в Шушском поселке около восьмидесяти ленинских писем 1897—1900 годов. Владимир Ильич рассказывает о своей сестре:

— Шуш-уш — село надирное. Правда, оно на довольно голое место, но недалеко (версты 11—21) есть лес, хотя и сильно порубленный. К Енисею прохода нет, но речка Шуш течет около самого села, а затем довольно близко приток Енисея мелководно (1—1½ версты), и там можно будет купаться. На горизонте — Саянские горы или отроги их, некоторые совсем белые, и снег на них едва ли когда-либо стает. Значит, и по части удюбенности все-что есть, и в надорю сочинил еще в Красноярские степие «В Шуше» (подковые Саянские), но дальше первого стиха ничего, и сожаление, не сочинил... Вера придет за 12 и стирала и по умным по дуглым. Дети много, но без собак и притом такому плохому стрелку, как я, охотиться довольно трудно. Есть даже много охот. в горах

Из книги В. Яковлева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АНТИКОММУРАЦИИ», начало см. «Смена», 1926, №№ 21—24, 1967, №№ 1—3.

и в тайге (есть за 30—40, куда ездят иногда охотиться местные крестьяне) есть бели, соборы, медведь, олени... Здесь погода крайне переменчивая. Вот вчера ездил я на охоту: утром было предельная погода, день совсем жаркий, летний. Вечером вдруг похололо страшной прохладой, ветер дождя, прихлынул. Приехали мы все в грязи и, не будая и м е х о в о г о платья, заморили бы до смерти.

Волею судьбы Ленин описывает Шушское надирное село 19 юками:

Вы просили, Манюша, описать село Шуш-уш... Гм, гм! Да ведь я, наконец, однажды уже описывал его. Село большое, а несомненно Умны, довольно грязные, пыльные — все как быть следует. Стоит в степи садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на пол не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза. У самого села речонка Шуш, теперь совсем обмелевшая. Верстах в 1—1½ от села тропинка, от м е х о в о г о димонца Шушя впадает к Енисею, который образует здесь массу островов и проток, так что и главному руслу Енисея подходить нет. Кукушки и в самом большом притоке, который теперь тоже сильно мелеет. С другой стороны (противоположной реке Шушя) впадают в 1½ «юры», как торжественно называют крестьяне, да в самом деле предельно, сильно порубленный лесничью, в котором нет даже настоящей тени (зато много кудряшек) и которой не имеет ничего общего с сибирской тайгой, о которой я пока только слышал, но не бывал в ней (она отсюда не добудет везти). Из охоты у нас этот гор я выразился очень неточно, ибо горы отсюда лежат в се в е р а и ю г о в о м направлении только отчасти, когда обман не заглядывают их. Поэтому и первый (и последний) стих моего стихотворения скажет мне в себе такую поэтическую гиперболю (если ведь такая фигура у поэтов!) насчет «подножья». Поэтому на твой вопрос: «На какие я горы взбирался» могу ответить лишь на писанные холмины, которые есть в там называемом «юры» — вообще здесь песку достаточно.

В мае, июле и в августе 1897 года Владимир Ильич сообщает матери и старшей сестре о своем образе жизни в Шушском:

— Миню я здесь надирно, уселено занимаюсь охотой, переизнаиваюсь с местными охотниками и взаду с ними охотиться. Начал кукушка — пока еще приходится ходить довольно далеко, версты 2½, а потом можно будет поближе, версты 1½. Но для меня все такие расстояния не так значат, потому что и я помню охоты и курания тратю большую часть времени на прогулки.

Потом я писал коротко, что меньше в Енисее, гуляю («защищаясь с сетной от жаров, которую не люблю»). А в августе я писал: «Вчера гуляю с сестрой» — поясняет Владимир Ильич отчасти: «Для меня это правда, здесь нет подходящих мест, но при охоте случается забираться далеко — в места надирные».

Потом я писал коротко, что меньше в Енисее, гуляю («защищаясь с сетной от жаров, которую не люблю»). А в августе я писал: «Вчера гуляю с сестрой» — поясняет Владимир Ильич отчасти: «Для меня это правда, здесь нет подходящих мест, но при охоте случается забираться далеко — в места надирные».

«...Писать для рабочих»

В середине августа 1897 года Ленин получает отныне Плеканова Александрю о книге «Общая теория развития природы». На следующий день Владимир Ильич пишет Енисейскому:

«...Писать для рабочих» — очень важно, что вы уделите-таки получить от Вас письмо (получил вчера, т. е. 15-го

августа) и вести о Вас в Георгии Валентиновича. Вашим его отзывом о моих литературных попытках (для рабочих) меня чрезвычайно ободрил. Я много так не ждал бы, но и о чем так много не мечтаю, как о возможности писать для рабочих. Но как это сделать отсюда? Очень — очень трудно, но не невозможно, по-моему... Про меня Вам, конечно, рассказывать достаточно, так что добавлять ничего. Миню я здесь в одиночестве. Здоров вполне и занимаюсь пономуто, что для журнала и для своей большой работы.

«Для журнала» — органа «легальных марксистов» «Новое Слово» — Ленин говорит о том времени так: «Зубная переписка... «Ваша большая работа» — это есть книги «Развитие капитализма в России» — Владимир Ильич собрал немало данных, работая в Красноярской библиотеке Юдына. А вскоре ему удалось осуществить и главную мечту — «писать для рабочих». Зимой 1916 года Ленин вспоминает, что ему довелось — «Вместе с массой революционных друзей» —

Так и поступает он в наиважнейшем дотом 1897 году да популярной брошюре «Новый фабричный закон», которая рисует картину роста рабочего движения в России — в виде «развития рабочего социализма». Напомним и о книге «Будущее русских социал-демократов», которая заключалась призывом к передовым представителям рабочего класса:

— Итан, за работу же, товарищи! Не будем терять дорогое время! Русские социал-демократы, правды, неслучайно, должны по усмотрению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации, по развитию, по укреплению различных групп и их взаимной связи, по фабричному рабочему агитационному и агитационной литературы, по объединению разрозненных по всем номеч России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую с о ц и а л - д е м о к р а т и ч е с к о у р а б о ч е ю п а р т и ю!

Именно о «сибирских» фабричных рабочих вспоминает в «Что делать?», сообщая читателям ряд интересных фактов («ни прошло»):

Члены одного из «Союза борьбы», принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в послыние делегаты на партийный съезд, основанный еще, договаривались с одним из членов группы «Искры» об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд своего дименция. Основать рабочую библиотеку не удалось, и наиславные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон» попадают ономично через третьих лиц за границу, где их и печатают.

Упоминание в приведенном отрывке «Федра из членов группы «Искра»» — Владимир Ильич, в 1907 году в предисловии к сборнику настоящего номера (в предисловии к книге «История нашей работы»).

За стальной протур Струве (1894—1895 годы) иуд «Задачи русских социал-демократов», написанные в конце 1897 года на основании опыта работы «Искры» в Петербурге в 1895 году. Те взгляды, которые в других статьях и брошюрах настоящего номера (в предисловии к книге «История нашей работы») и в виде «развития рабочего социализма» и в этой брошюре — являются в положительной форме.

Теснины устроились отлично. Занимают прекрасные квартиры в двухэтажных домах в Шуше (до этого там не было ни одного). Занимают весь этаж. 4 больших комнаты с книжками, прихожей в придачу, большой гостиной, светлые, высокие, чистые, мебель хорошая, один

Выход из дома север четвертый
Год издания разок в месяц

4
ФЕВРАЛЬ 1967

Пролетарии всех стран, соединитесь!

1967

ЛИТЕРАТУРА — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Борис ГАЙКОВИЧ

Дорога на стрельбище

Полуденный зной
Аж до сердца проник,
Чуть дырки на спинах солдатских
      не выжиг—
Пожоге, небесных печей истопник
Сосем не жалеет казенных дровишек.

Вестн бы в пехоте охрану труда...
То ветер у нас с приравненным снега,
То снова плеснет полковая труба
Крутым кияточком забайкальского неба.

И снова, на флягу глазами кося,
В объект слатки нам, толпять упрямо
Туда, где пронзительно, как пороса,
За дымчатой солкой визжит пилорама;

Где весь горизонт от воронок рабой
И вышка с шарами видна посередине,
Где вокруг полигона толпятся гурыбой
Зеленый народ кедрачи-первогодки...

Свернуть бы нам в рошцию, намскосок,
Ремни распустить,

Примостившись на камне,
Увидеть воочию, как солнечный сок
В воронки волонжер стечет по калле;

Глаза запрокинуть бы в ясную высь,
Подслушать солиста пернатого трель бы...

Но взводный
Команды не даст «Разойдись!»,
Поскольку сегодня зачетные стрельбы.

Он прямо к мишеням ребят приведет,
Укажет черту рубезна огневого,
И, вытерев крупнокалиберный пот,
О Буднях Вьетнама напомнит сурово.

И ты по приказу амиут через пать
С прикладом сольнешься, чуть ставши
      стутлей,
И зубы сожмешь, выпускная олят,
По темному абрису
Пулю за пуйей.

Откровение

Валдайский край, где мы росли,
Где ситчики небес неброски —
Плывут навивные березки
В зеленых капельках
Росы...

Шаг влево —
Вылезаете луг,
Жнеюй, ромашковий —
Потрогай!..
Но мы идем своей дорогой,
Идем, не разжимая рук.

Мы, видимо, затем и шли,
Чтобы понять:
Он полон мысли,
Мир, где мохнатые шмели
На нитях солнечных повисли;

Чтобы попалась нам в лутк
Ключа серебряная стрелка,
Чтоб разглядеть
Дрожащий желто
Осколок радуги в горсти.

И чтобы на лесной опушке,
Где мы присядем отдохнуть,
Цветы, цветы,
Цветы по груди,
Рассыпанные, как веснушки...

Мы пили воздух по глоткам —
Весельяй,
С холмоидной нятой...
И вся земля
Вдруг стала нам
Такой особенно понятной.

Земля,
Где троп немисцлимо,
Где трудная родится роза,
Где без друзей и без любимых,
Пожалуй, дня не проживешь.

И если сердцем ты не спел,
Ты вдруг поймешь
В полях России,
Зачем погонны полевые
Мы носки с юношескии лет.

Однополчанину

Шинелькой нас,
Как васьютю, облекали...
Чем пахла моя роба, старина!
Землей...
А у десантников она
Неуловимо пахла облаками.

Суровое, небритое сукино
Нам и сейчас
Легко загнап под пужку.
А остальное разве мудрено:
Чтоб под шинелью —
Сердце нараспашку!

Шинелька не нова, как и стихи!
Махры на полях, от подпалаи
      мета!
Подштопаем, обрежем... Пустяки...

Я в ней готов
Пройти еще полсвета.

Оглянулись, а годы мелькнули...

А. Г. Капихину

Генерал —
Крепко шитый мужчина —
Без шинели стоит на ветру.

Оглянулись,
А годы мелькнули.
Словно светлые искры в воде.
Где-то в июньсть
Из детства шагнули
И совсем не заметили, где.

Он глядит,
Как журанты-погодки
Добросовестно не грустят —
Поправляют друг друга пилотски
И ремнями шинкаро трукстят.

Погрустить бы об этом
      невольно,
Да всему, говорят,
Своя черед...

Капельейстер
«Пурские воллы»
Полновесной рукой выдает.

— По ваго-о-нам! —
Послышится только,
И тогда без особых помех
Разберут они верхние полки.
Суробфрукты поделат на всех.
Перелевкак рассылится бисер.
А дечата,
Оставшихся один,
Будут ждать треугольники писем.
И по пальцам высчитывать дин.

И курлыи журавлиного клина
Дополняет оркестра иру.

Рисунок В. АРОНИНА

13
НОВЫХ
СТИХОВ

МАРШРУТЫ СОЛДАТА

А. ЩЕРБАКОВ

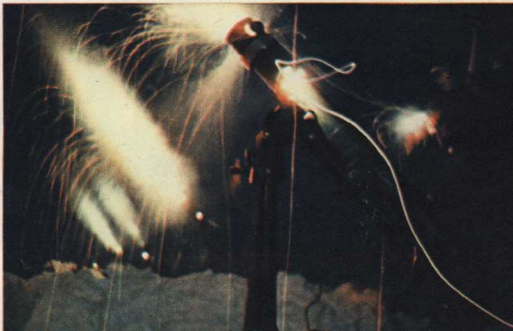
Фото В. МИШИНА
и Г. МАКАРОВА

Метель идуется белым холодом в лица людей, под колеса автомашин, на танковую броню. Темней спрятала землю. Здесь, в чистом поле, она, земля, ощутима только звуками — свистом ветра, ревом моторов, голосами. Идут боевые учения. Сейчас — в ночную атаку. Ждут команды. Напряженно. Нетерпеливо. Предстоит преодолеть сильно укрепленный рубеж, сбить «противника» с выгодных позиций и развить успех соседней слева... «В атаку!» И сразу, будто испугавшись сотнеязычного пламени, улизвет метель, прижмется к земле ставший адруг беспомощным ветер, пятакся к дальнему лесу обезоруженная темнота... Атака современной армии — всесокрушающая, неудержимая, завывающая стремительностью, дерзостью, азер-

Эфир тоже воюет. «Фиалка» ждет приказа «Ромашки».
Современный бой изменил даже традиционную солдатскую амуницию.

Успокоилась метель, испугавшись сотнеязычного пламени.

том... Рубеж отвоен. Задание командования выполнено...

Утром остоять горячие моторы машин, отдавать бойцы, в штабе готовятся к разбору операции... Жизнь в части идет своим чередом.

Армейские будни... Дни и ночи, полные труда, романтики, усердия, формирующих и закаляющих характер, ум, волю... Приходят в армию совсем зеленые юнцы, служат, уходят возмужавшими, сильными юношами. Уходят и обязательно уносят с собой что-то армейское — то ли выправку, то ли выдержку, то ли смекалку, то ли все вместе, уносят на всю жизнь.

...Приходят юнцы. Их маршрут № 1 — два зала музея боевой славы части. Здесь они начинают постигать великую мудрость истории. Суть этой мудрости: от солдата едва ли не больше, чем от кого-либо, зависит и долговечие городов, и рождение хлебных колосьев, и судьбы детей. Стенды музея рассказывают новобранцам о поре, когда эта мудрость подтвердилась самым покаяньем, убедительнее за все время существования человечества образом — о сорок первом, сорок втором, сорок третьем, сорок четвертом и сорок пятом годах нашего века. Подтвердилась прежде всего благодаря Советской Армии и в том числе славной гвардейской части, куда ребята пришли служить.

У нее достойная биография. Первым испытанием был Сталинград. Сибиряки пришли туда с востока, чтобы не сделать ни одного шага обратно на восток. Их доблесть уди-

вила даже тех, кто уже прошел сквозь все, что выпало испытать советским воинам на берегах Волги. Это о них потом писали: «В трагических яростных контратаках сибиряки еще и еще раз показали себя исключительно выносливыми и мужественными; своими боевыми подвигами они приумножат славу сибирских стрелков. Благодаря высокой боевой активности и исключительной стойкости сибирских частей мы выиграли у противника несколько дней, крайне необходимых нам для подтягивания резервов и проведения некоторых других мероприятий...»

Потом было сравнение в Курской дуге. После него открылась котла и не вся гладкая, но все же прямая дорога к нашим границам на западе. И часть решительно пошла по ней, только — жель — без своего первого командира. Бойцы похоронили его в Орле, показав в сражке за этот год еще раз все замечательные воинские качества.

Они принимали участие в освобождении от фашистов Советской Белоруссии, они громили их в Польше и, наконец, в самой Германии, где красным знаменем на здании рейхстага была поставлена точка в той исторической миссии советского народа.

Гвардейское звание, несколько орденов на боевом знамени; неоднократные упоминания в приказах Верховного главнокомандующего; шесть Героев Советского Союза, сотни орденов, вышших в подразделении, — с такой аттестацией пришла часть ко Дню Победы.

Почтители, очень почтители

маршрут № 1 для тех, кто зачислен служить в эту часть. Для большинства солдат он становится началом осмысления не только своего назначения как защитника Родины, но и человека вообще.

Дальше солдат идет (возвращаясь армян — от времени сюда, а музеи) другими маршрутами. Он постигает удивительные по своей современности таинства военной специальности; он учит то, что раньше называли полнотрамотой, а теперь зовут теорией научного коммунизма; он привыкает находить истинное наслаждение в спорте. И еще он познает великие законы товарищества, которые нигде не живут так зримо, как на военной службе.

И это складывается армейские будни. Есть в них и другое: хорошая песня под баян в свободную минуту; радость дождливого письма; солдатские вальсы, который никак не вырвется с названными словами ишефские сазаны; тишина над любимой кишкой после грохочущей азбуки полигона...

Это вообще. А применительно к сегодняшнему дню... Воины живут сейчас ожиданием двух событий: нежной общей великой даты — 50-летия Октября и исполняющихся в этом году двадцатипятилетиям части. Собственно, командиры — не совсем то слово. В строго череду армейских дней врывается предпраздничная цепь зель и дол. Воины и подразделение соревнуются на лучший праздничный финиш в боевой и политической подготовке. А это значит, еще старательнее оттачивается воинское

мастерство, еще требовательнее ставятся бойцы к себе и друг к другу в соблюдении уставлений и уставов, еще больше забота каждого о повышении боеготовности части. И есть уже передовики в соревновании, на которых командование предлагает равняться в юбилейном году. Их много в части, однако прежде всего называют ефрейтора Керного, старшего сержанта Подреза, ефрейтора Карапалтына, сержанта Михайлина, сержанта Голованова.

Соревнование идет не только на стрельбищах, но только в классах боевой и политической подготовки, но только в мастерских и на полях тактических занятий. Скоро в части откроется выставка самодельных художников, умельцев. Экспонаты почти все отобраны, теперь остается пережить всегда трудную пору ожидания, пока вывесится, кто же лучший.

А в клубе в отведенные для репетиции часы — музыканты, певцы, танцоры, вокалисты... В прошлом году таланты части отличились на всеармейском смотре художественной самодельности. Так что ребят можно познать: никто не хочет ударить в грязь лицом, тем более в таком году.

Армейские будни... Нелогично. Полные хлопот. Не лишние свои маленькие и больших радостей. Насыщенные поисками. Приподнятые ответственностью за мирное утро планеты. Гордые готовностью в любой момент сказать тысячам солдатских голосов: «Служим Советскому Союзу!»

Ждут команды. Напряженно. Негерпешиво.

«В атаку!» И отступает к дальнему лесу ошеломленная тишина...

Замер, затих танк. Лишь призрачный свет приборной доски говорит о напряжении громады, изготовившейся к решающему броску.

Приходит в армию зеленые юнцы, служат, уходят сильными, волевыми юношами. Здесь они начинают постигать великую мудрость истории.

РАССКАЗ

В жарко натопленную кабину Аэрофлота вошла цыганка и спросила:

— Кто последний?

— Погадай — узнаешь, — озорно ответила парень в модной, стеганой рубашке нейлоновой куртке. Шутка понравилась — послышался смех. Это, видно, вдохновило парня.

— В старину цыгане на лошадах кочевали, теперь вот самолетами, — бойко продолжал он.

— Ты что озорешь? — вступилась за цыганку старуха в телогрейке. — Давно мать с отцом за уши драли!

— А меня, бабуля, и не драли вовсе. Детдомовский.

— Так они и познакомились — старуха и парень. Не думал я тогда, что они станут моими попутчиками. да добавок что мне придется провести с ними не расставаясь, долгие сутки, хотя путь предстоял совсем короткий — на два часа.

В овеянном сердатыми ветрами Гурьеве самолет так же обычен, как в Москве самолечка. Не помню даже, близко ли там от гостиницы, где я жила, от завода, куда приходила, вокзал, но чуть ли не каждая автобуржуйка знает, в Гурьеве начинается от аэропорта: оттуда можно проехать в любую часть города. Над нестройными, еще неточно определенными улицами то и дело тархитят почерневшие самолеты старых марок. И, кажется, только раз в три или четыре за сутки к пустынной станции подходит поезд.

Здесь очень велики расстояния между населенными пунктами — десятки, даже сотни километров голой проселочной степи. Вот почему дешёвые цыгане не коротают ни в кибитках, ни в обломке вагона потового поезда. Край начал развиваться тогда, когда для таких пространств уже придумали самолёт. Он стал главным транспортом, к нему приваляли — к его достоинствам и жадностям. И никто в Гурьеве не читает последние сообщения Аэрофлот, если вдруг свалится с неба нелетняя погода здесь или где-то там, куда должен отправиться самолёт. Внезапные снежные заносы где-нибудь в Подмоскovie, которые, случается, задерживают путика на час, вызывая у людей раздражение и недовольство. А здесь пассажир понятия и терминах. В самом деле, кто это там может ведать чистотой небесных дорог — их не разгребёшь лопотой!

Хоть над аэродромом была чистая, без белых помарок голубизна, наш рейс в Астрахань внезапно отменили. У некоторых пассажиров это вызвало возмущение — таких встретишь на любом вокзале и аэропорту, в любой гостинице. Спокойно и трезво принимали новость местные пассажиры. Пока залетные гости митинговали и гауло спорили с начальством, бывалые люди разобрали самые уютные скамейки крохотного здания аэропорта.

Отторкнувшись самодельными крашевыми чемоданами, в уютно удобно расположилась старушка в телогрейке, которую я впервые встретил накануне. У неё было, пожалуй, слишком много для воздушного путешествия вещей. Я устроился рядом с ней. Она сидела грустно-спокойная, чем-то очень похожая на бабу-грекку, стерегущую горячий чайник, — только не улыбалась.

Каждый пассажир нашёл способ, как бы незаметно скоротать часы ожидания. Кто читал книгу, кто — старую газету, какая-то женщина дошла манюхорный прибор, привнесла ювелирно украшать ноготки. Лишь старуха сидела неподвижно, чуть откинув к плечу голову, ничего не читая, ничего не замечая. Ей было невесело, она думала о чём-то одном, но только не о задержавшемся самолёте — ни разу не глянула на часы.

Она очнулась, когда парень в зелёной куртке со стегаными ромбами слишком громко для маленького зала крикнул ей:

— Бабуля, родимая, покажу мое имущество — без отца-матери нажал!

Не дожидаясь ответа, он снял с себя фотоплатку, кинул её на колени, сбросил за плечо в пеструю клетку сумку и, уходя, объявил:

Рисунок В. КАРАБУТА

— Пойду, бабуля, за твоё здоровье лекарство — двести калекек.

— Вот дурной! — сказала она, когда он ушёл. — А ну как уйду — ведь незнакомая...

Она бережно положила в уют аппарат, протерла рукавом пальчик кистю на красной сумке, аккуратно поставила её на чемодан.

— Молодой, неразумный, — подделывала она со мной. — Вечно с ними горе одно.

Постепенно мы разговорились. Вернее, торговалась старуха. Я слушал. Ей, наверное, очень надо было говорить. Времени выдалась, обид у старухи накопилось много, и она рассказывала с по-арбостийностью, повторяясь.

Год назад, послушавшись испугуемого зятя, продала она дом и улетела в Гурьев. Дом, владеть, был небольшой — из двух комнат. Одну она на-

зывала «залом», зато была бо́льшая из них. «Залом» старуха сдавала Насте с рыбкомбината, в другой жила сама. Настя платила пять рублей, тридцать старуха получала пенсия. Этим и жила. Готовила своей квартирантке завтрак и ужин, иногда соедалась с ней, когда та достаёт свет желал, но, в общем, жила дружно, вместе ели, чай пили с молоком; обе очень любили чай с молоком — это старуха её научила.

Зять приехал пуманый, сам за неё все решил, объявление повесил, торговалась с покупательницами; «обмыл» старухину продажу. Пил с новым хозяином в «залом», а старуха с Настей спали две ночи вместе в маленькой комнатке, пока та не вышла себе другую квартиру. Процаясь, обе женщины всплакнули.

Владимир Ильич Ленин говорил: «...Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, т. е. помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная армия. Мы доказали не словами, а делом, что мы можем создать ее, что мы научились управлять ею и побеждать капиталистов...»

Советский народ строил новую жизнь, но никогда не забывал, что есть еще в мире силы, способные помешать развитию нашего общества. Народ был начеку. «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути», — пелось в одной из песен. Другая песня раскрывала подлинный смысл политики социализма: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Песня — верная спутница солдата. В конце тридцатых годов было много хороших песен. Их распевали на маршах и привалах. Проходили обычные военные учения. Партия, народ, оснащающий армию современными видами оружия, лучшие военачальники готовили ее к грядущим испытаниям.

С. К. ТИМОШЕНКО,
Маршал Советского Союза

Осмотрю и на этот снимок и испомню Василия Константиновича Блюхера. С 1933 года по 1937 год мне довелось работать на ответственной должности в штабе Отдельной Краснознаменной дальноневосточной армии под его непосредственным руководством. Неоднократно приходилось быть вместе с ним на учениях, часто встречались вне службы.

Этот снимок относится к 1933 году. Василий Константинович запечатлен на проделанных учебных маневрах. Фотожурналисты удивительно удачно показали нашего Блюхера, много мы приехали видеть всегда. Скрытого, доступного, простого. В то время он имел больше всех правительственных наград, был одним из первых Маршалов Советского Союза, но никогда не начинал звать на учениях бывал обычно в простой гимнастерке, без орденов. Василий Константинович считал, что ношение всех регалий на мушкетере создает ненужную парадность, смущает окружающих его людей и мешает деловой, рабочей обстановке.

Обязательность Блюхера не мешала быть ему требовательным специалистом. Он хорошо знал Дальний Восток, все особенности местности и климата. Учил войска на конкретных примерах, прибрежных и реальных условиях ведения войны, настоятельно внедрял новую технику, несмотря на трудности ее применения в горно-лесистых условиях Дальневосточного края. Много сил Василий Константинович отдавал развитию Тихоокеанского флота как одному из важнейших средств обороны наших огромных морских границ. Поэтому, как командующий Отдельной армией, Блюхер очень много проводил совместных учений сухопутных войск во взаимодействии с флотом и авиацией. Василий Константинович любил, если так можно сказать, авиацию и танки. Он летал на самолетах, забирался в танки — тогда для таких больших начальников подобная заинтересованность была редкостью.

В моей памяти Василий Константинович остался предельно скромным человеком. Праздничные дни он всегда проводил с нами в Доме офицеров, запросто танцевал с женами офицеров, держался со всеми по-товарищески. В его кабинетах в штабе и на квартирах были богатые библиотеки с редчайшими изданиями. Он много читал военной и военносторонней литературы. Часто спрашивал высший командный состав, кто и что читает. Находил время читать и художественные произведения.

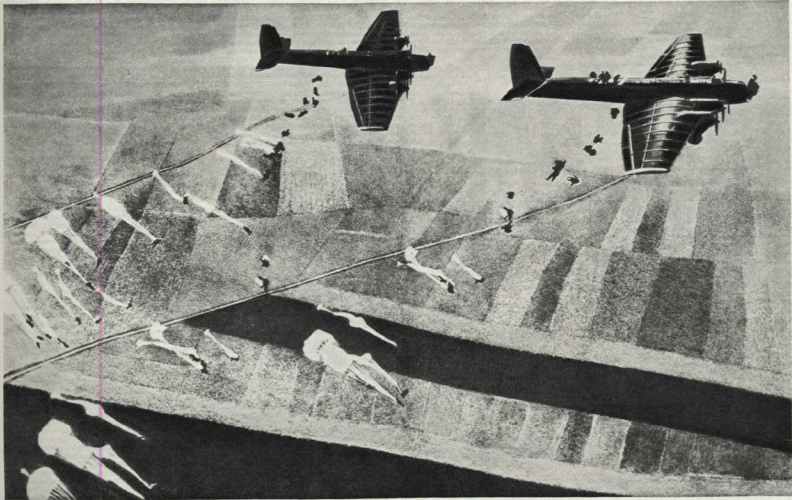
Его трудолюбие можно только было позавидовать. Блюхер хорошо излагал в документах свои мысли, умел лаконично ставить задачи подчиненным. Приведу такой пример. Василию Константиновичу часто приходилось вести переговоры с правительством Млоской Хабаровском — 7 часов, поэтому всегда они происходили глубокой ночью или ранним утром. По долгу службы я присутствовал при этих переговорах, имел при себе необходимые справки и документы. Но справедливости ради замечу, что Василий Константинович редко обращался ко мне. Блестящая память и отличное знание обстановки на Дальнем Востоке позволяли ему отвечать на запросы по телеграфному аппарату «Бодо» (в то время прямой телефонной связи не было) немедленно.

Все его очень любил. Не только мы, которым изю дин в день приходилось с ним сталкиваться, но и явные ему части и соединения.

Расстался я с Василием Константиновичем в конце 1937 года. Меня перевели по службе в Москву. Больше мне с этим чудесным человеком, талантливым полководцем встретиться не пришлось.

П. А. РОТМИСТРОВ,
Главный маршал бронетанковых войск

Фото И. ШАГИНА

...На афишных столбах, на стенах домов висели плакаты: «Комсомолец, на самолет!» То были годы бурного роста авиации, первых штурмов стратосферы. Молодежь Страны Советов ужилась летать. Основателем — предшественником сегодняшнего ДОСААФ — стал тогда одной из самых

популярных организаций, готовящей Красной Армии высококлассных летчиков и парашютистов. В вирном советском небе гудели мощные моторы новых машин, распухали без фотобаллона «Красная Армия».

Снимок из фотосъемки «Красная Армия».

Мне особенно приятно прокомментировать этот фотоснимок, так человеку, на протяжении долгих лет связанному с танковыми войсками. В этом снимке нет ничего надуманного, это фотодокумент. Довоенный легкий танк «Т-26» образца 1934 года. В 1936 году, когда и был сделан снимок, легкие танки широко использовались на маневрах в нескольких военных округах. На фотографии мы видим «Т-26» на «привале» в одной из деревень Подмоскovie. Танкисты после трудного марша остановились около избы крестьянина, которому, как видно на снимке, очень хотелось поговорить с красноармейцами.

Для своего времени легкий танк «Т-26» имел неплохие боевые свойства. В 30-е годы это был один из наиболее известных танков Красной Армии. Его производство стало возможным только после реконструкции нашей оборонной промышленности в ходе первой пятилетки.

«Т-26» был принят на вооружение в 1931 году как общевойсковой танк, предназначенный для решения боевых задач главным образом в тесном взаимодействии с пехотой. Боевое применение танки «Т-26» получили в 1936 году при героической обороне Мадрида. В 1938 году эти танки, гromив японских захватчиков на озере Халхин-Гол, в большой вклад в победу внесли соотечественники — укомплектованные «Т-26», в боях в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Наши боевые применения они и в начальный период Великой Отечественной войны.

Л. В. СЕРГЕЕВ,
генерал-майор
инженерно-технической
службы, профессор

СЧАСТЬЕ И ВОЛН

Тринадцать лет москвич Игорь Васильев стал римлянином. Учился в седьмом классе, вместе со сверстниками в свободное время бродил по новому, еще неизведанному ему городу. Дивился сооружению деревни эвачки в старой Риге, подружился с мудрой тишиной Музея изобразительных искусств. Рядом с музеем прилежало анжамбо красное кирпичное здание с остервенки башенками и чепачичной крышей — Академия художеств Латвийской ССР. Подняться бы по ступенькам, пройти под старинные своды.

Нанонце Игорь решился. Он не знал, чем кончится его встреча с профессором анжамбо, известными латвийскими скульпторами Теодором Залькалоном и Карлом Земдегом. Но результаты этой встречи превзошли все его ожидания: он был зачислен вольнослушателем на Факультет скульптуры.

И начался труд, который никак не назывался легким. Утром лекции и занятия в академии, а потом уро-

дать их все, наверно, невозможно.

Заниматься стихами Александра Блока, молодой скульптор видит в них самого поэта — одухотворенного якобы. И рождается портрет Блока — танго, как ни странно его Игорь по стихам раннего периода. С детства дорога ему книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Создан один вариант портрета Островского, друга, третий.

— Нет, работа еще не закончена — отвечает Игорь на мой вопрос. — К Островскому я еще должен вернуться. На концерте звучит музыка Чайковского, Листа, Шопена, и Игорь, задумчиво вслушиваясь в знакомые мелодии, не может оторвать взгляд от световоголого стройного пианиста. Эмоциональность игры Вана Клайберна, его самозабвенная увлеченность пробуждают страстное желание воплотить его портрет в дереве. Игорь беззаботен к себе: первый готовый вариант портрета он отвергает. И откладывает работу — непременно надо еще раз поводить пианиста. Ван Клайберн выступает в Москве. Всего полтора часа самоналетом. Но на этот раз не получается. Зато тогда Клайберн приезжает в Ригу вторично, после концерта усталого до невзвешенности «мученика искусства» сидит рижский скульптор. И тогда свистит в созданный Васильевым портрет Вана Клайберна, невольно возникает мысль: как это большое счастье — устоять от дела, которое ты любишь.

И точно так же почти навсегда из лучших портретных работ Игоря Васильева — будь то Владимир Манковский, народный артист СССР, режиссер Эдуард Сенигалгис или скульптор Эмиль Мелдерис — отмирает нечто новое в знакомых лицах, заставляет думать о величии творческой мысли истинных служителей искусства и литературы.

В последние годы в творчестве Игоря Васильева ходит новая тема — выразительность, красота человеческого тела, экспрессивность движений.

Изящная женская фигура. Плавность линий, музыкальность мускуливого движения руки, лиричность легкого наклона головы. Да, это «Мелодия». Будто под ошеломляющие, стремительные африканские ритмы рождается из гимн эским групп танцоров Сенегальского балета. «Рыбачка», радостно и гордо подставляющая лицо солонному морскому ветру. «Дюприка», появившаяся на юбилейной выставке Прибалтики в Москве.

— Больше всех материалов для меня дерево, — говорит Игорь Васильев. — Тепло, живое, многогранное. Это чувствуется по его богатству. Наиболее выразительны и эмоциональны именно те его произведения, которые выполнены в дереве. Но это не мешает скульптору успешно работать в бронзе и граните, экспериментировать, правда, пока менее успешно, с новыми материалами, например, с пластикой.

Растет требовательность и себе, потому что изобретая заповедью молодого скульптора Игоря Васильева ставлю, что искусство — труд упорный, нелегкий, кропотливый. Но работаю радостно, потому что искусство — это счастливое озарение.

И. РОЗИТЕ

Фото С. ПЕТРУХИНА

ИГОРЬ ВАСИЛЬЕВ

ин в вечерней школе. Более трех лет — из аудитории в классы, из классов в мастерскую. Свободного времени оставалось все меньше и меньше, но него выходило было. И, наконец, аттестат зрелости в средней школе и вслед за ним призыв в академию: зачислить И. Васильева студентом II курса факультета скульптуры. И снова учеба, снова работа в мастерской, радость первых удач, частое народничество собой.

Когда работы Игоря Васильева — студента IV курса Академии художеств Латвийской ССР — начали появляться на республиканских и всесоюзных выставках, стало ясно о себе заявля новый самобытный талант. Самыми интересными были, пожалуй, портреты. Умными, тонкими, собеседнически входили в жизнь образы, созданные Игорем Васильевым.

— Творчество, сам процесс творчества меня всегда волновал и волнует, признается Игорь Васильев. — В нем столько тайн, что разга-

На снимках:

Игорь Васильев

в мастерской.

«Торс». Красное дерево.

«Андрей Рублев».

«Голова неграфика».

Поиск темы.

ЮГОСЛАВСКИЕ КОРЧАГИНЫ

Николай ПАНЕВ

Бригада корчагинцев у памятника вожаку югославских комсомольцев Нео Лоуу Рибару, погибшему в бою с фашистскими захватчиками.

Фото автора

В Югославию рассказывают, что в годы борьбы с гитлеровцами отличившихся в боях партизан награждали именем Корчагина.

«Отныне к твоей фамилии прибавляется фамилия советского героя», — говорил награжденному командир партизанского отряда и торжественно вручал книгу «Как закалялась сталь».

В селе Великой Шилеговац, в горах Восточной Сербии, стоит памятник молодому герою Югославию Велизару Станкевичу. Ему было всего двадцать, но своей храбростью и мужеством он удивлял даже опытных партизан. Погиб Велизар в жестоком

бою с карателями. Воспитанник югославского комсомола, коммунист и партизан, Велизар первым в отряде заслужил, чтобы его называли Корчагиным. На белокаменном постаменте его бюста высечено: «Народный герой Югославию Велизар Станкевич-Корчагин. 1922—1942».

И вот я иду к одному из таких югославских Корчагиных. В большом здании на одной из центральных улиц Белграда привратник вежливо осведомился:

— Вы к кому, друг?

— К товарищу Корчагину, — машинально ответил я.

— К Корчагину? — переспросил старый привратник. — Это к какому Корчагину?

Проходившая мимо женщина улыбнулась и спросила:

— Вы, видимо, к товарищу Туртичу?

Не успев я ответить, как привратник хлопнул себя по лбу и воскликнул:

— Эх, Туртича не признал, а! Кто у нас Корчагин? Ясно, что он. Во время войны знал нескольких храбрецов с таким именем, а вот здесь, у нас, значит, один такой — Туртич. Микаило Туртич!

И пока словоохотливый старик вел меня по длинному коридору в кабинет заместителя председателя республиканского Совета профсоюзов Туртича, рассказывая о том, что он тоже слышал о погибшем Корчагине

из села Великой Шилеговац, что видел новую сельскую школу, названную в честь того героя — сербского Корчагина, и что ему посчастливилось прочесть, даже дважды, «до слез трогательную и волнующую книгу «Как закалялась сталь».

Разговаривая с Туртичем, я старался найти в чертах его лица, в движениях, в позе что-то корчагинское. Да, он был такой же черновыи, такой же порывистый.

— С каких же лет вы партизанили? — спросил я.

— С шестнадцати. В отряд пришел 17 августа 1941 года. Потом вошел в девятую сербскую бригаду, а когда была создана народная армия, — в двадцать третьей дивизии. Кем был!

РОМАН

ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ

Весь фонус заключается в том, что когда пишется история войны, то необходимо, анализируя все и бесчисленные аспекты этой громадной трагедии, строго следовать не за эмоциями, симпатиями или завистью оторвавшимся минимали, но за фактами, которые хранятся в документах, газетах, архивах. История может с большой осторожностью принимать как достоверное воспоминание участника эпохи. С еще большей осторожностью историк должна относиться к безадресным утверждениям тех людей, которые волею судьбы знакомы лишь с совокупностью проблем, либо с камнем, пусть даже значительным, частью; слышь и рядом такие люди страдают aberrацией памяти. История обязана называть все имена, перечислять все поражения и победы, не оправдывая один и не приуменьшая другие.

Память только потому и остается в веках, что летитесь своею вех отрешено, как бы горька она ни была. Любая история — это история факта, иначе начинаются своеволе и подговасы, которые, даже будучи рождены лучшими побуждениями, все равно отовсюду неуязвительностью современников и презрительной усмешкой потомков. Как только история становится пристрастным, как только он хочет поличье выписать зло и посылить воспеть правду, как только историк начинает расставать свои акцент в исследовании, так сразу же такое писание делается сомнительным и упрямением и безответственности. Правда, только правда, а не правда — это величайшая присяга для историка, ибо от его свидетельств зависит не только становление взглядов одного человека, но воззрение поколений. А воззрение будущих поколений — это танда материализованная сила, которая может либо планету сохранить, либо превратить ее в груды известинной или гранитной породы.

Начальник Управления военной контрразведки Мельников тогда, в госпитале, сказал: — Борodin, ты же не дитя. Не смейно ругать за неистовство правдивых нам требований, но я хотел бы посмотреть, как сложится бы обстановка без «Сварда» в сорон первом и сорон втором, когда отходили, и в сорон третьем, когда было томе не складно, и в сорон четвертом, когда Басинистовский оуноши, и как будет в сорон пятом. Когда придется заниматься гестапоцами и СС уше в самой Фарландии. Каким нам придется заниматься? То-то и оно — нам, «Смершу».

— Но здесь ведь совсем другой дело... Это мои люди, и их знаю. И если Вихрь доведет Аня, значит, у него есть основания доверять ей.

— Другое дело. Это тоже не свечки. Так что не угады, планов, два — в мою пользу.

— Ты же любишь ты любя за нежность характера, Борodin.

— Я тебя тоже любя за нежность характера, но в этом суть — не люблю.

— И в этом, я в сорон третьем отпустил одно-

го типа из оуна, перевербовавшись и нему, Вернее, как отпустил? Не отпустил — устроил спектакль с побегом. А потом всю его цепь получил и верную связь с его центром. У их полтора дурдил, полтора от них принимал оружие и связных. Мовет, у тебя таких комбинация не было? Так я тебе напомним твоего троючника из Валандии, если забыл.

— То они, то троючник, а здесь Аня.

— Аня, Аня... что ты заканчиваешь прононшиса. Аня Аня, а помонник разведки Берг остается Бергом.

— Тан что ж ты предлагаешь?

— Генштаб о той радиограмме, что передали, молчит?

— Молчит.

— Это твой единственный ноздр. До тех пор, пока ты ничего не получишь из Москвы, считай, что ты со мной совозовался, а если и дальше будут молчать — в официальном порядке связывайся с Кобловым, пусть подиокачнется.

— Ты же знаешь его.

— Ты представляешь, что он сразу предложит?

— Представлю. А ты диалектично чтишь?

— Попробу не почти. Он сразу дело накрутит.

— И правильно сделает, — усмехнулся Мельников. — А что насчет диалектично — единство и борьба противоположностей. Борис, за кем правда, тот и возмлет.

— Пока я с ним буду бороться, дело останвится.

— А что у тебя Вихрь — дитя? Он же серьезный парень. В конце концов победителем не судят.

— А что у тебя, Коблова, что ль, боиншай?

— Мельников поменял бубин, глумясь, дернул приступ нашла, от этого лицо его посылно, сговор он задрал, лаза, долго прихордил в себя, осторожно выдыхал носом, и сказал:

— Я боюсь только одного: как бы тогда самый Берг не перенервал всех наших, и тогда Коблова взлетит на воздух. Вот чего я боюсь. Ты же помнишь.

— Я попробую сегодня связаться с Генштабом.

— Ты их не поставишь в известность?

— Я сразу прикину и тебе.

— А еще говорят, что разведчики и особысты плохо знают.

— Мельников с Борodinим животу хохотал.

— Мельников посмотрел на Бородина вославленными, блестящими глазами, помяна его пальцем, тот нагнулся; Мельников, замаз рот платком, прошептал:

— Разведка, узнай у врачей: скоро мне в ящик, а?

— И что?

— Борodin, ты меня только не вздумай успокаивать. Я все понимаю. Я старый-престарый, битый-перобитый черств. Ну... Валля... Попробу. Я в себе даже больше зарываю, страшно. Они молчат, не говорят мне, открытая форма или безопасная я для окружающих.

— Мельников ушел. Он вернулся через полчаса, сел возле своего друга.

— Мельников сказал:

— Если б ты приехал резвый и стал меня по руку хохотать, я в сразу понял: одной!

— Я говорю, что вынудается можно, — ответа Борodin, — молни, хотя все это зависит от тебя.

— Дурачье. А они все темнили. Мне, если темнить, лучше жить. Спасибо, Борodin. Тогда вычарапалось. Оделено приключило.

— Я и тебе завтра приеду.

— Или смоешь.

— Смогу. И послезавтра приеду.

— Слушай, а где твой напикат?

— Высокосный?

— Да.

— В штабе.

— Ты его и ни забрось. Со всеми полимо- чиями.

— Не домидался новостей из Москвы?

— Ну, погоды день, от силы — два.

— Когда Борodin вернулся к себе, его ждали три новости. Первая — приказ Верховного о наступлении по всему фронту для помоник-завтрашних оворонкам в Ардеинах; вторая — Ставка: наградилась всех участников группы «Вихрь» подразделения Боевого Висского Завоева за операциями «Ремат», третья новость лежала перед Высокосным: радиограмма от Ани, в которой та сообщила о том, как был арестован гестапо Вихрь, как он бежал и что ей об этом побеге говорил помонник Берг.

— Ну что ж, — протянул Борodin и начал растирать лоб. — Давайте, милый, отправляйтесь и ним. Просто-таки в самое ближайшее время надо лететь. А как там поступать, я-бogu, решетов здесь, дать не могу. Станьте дублером Вихря, что ль. Все его связи возьмите на себя. У них там формально один чистый человек остался — Коля, на него и ориентируйтесь. У меня такое мнение, что там каналь-то трагическая путаница. А гдаво так нет. Хотя мне голову руби, я в это верю, не смотря на то, что объективно так все плохо.

— Высокосный на связь и Вихрю не вышел. В том месте, где он выборосился с парашютом, была перестрелка, и канной-то человек, видимо, раненый, бросился в реку; за ним гнались с собаками, Лидия из разведки Сабого провалил опрос свидетелей — по описанию внешности человека им был издан Высокосный.

ЧЕЛОВЕК СО СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ

Неделю Берг выжидал, что даст Ардинское наступление. В случае, если бы продвижение Моделя и фон Рунштедта было стремительным и успешным, в случае, если бы он, гранитный военный разведчик, понял, что наступил действительно тот самый период в войне, о котором тубил Вихрь, тогда он решил для себя. Коля и Вихрь будут переданы им в гестапо. Берг понимал, что это, конечно же, рисованно со всех точек зрения. Но он устал, смертельно устал в своей игре и поэтому стал временами поддаваться не разуму, но чувству.

Все определилось окончательно, когда после победных кинохронки, в которых были показаны пленные немцы и смеющиеся немцыца «панцер-грендиэри», после ликующего обращения и народу Геббельса Штрейкера, Бергу поплысь обращение Моделя и фон Висса. Там он высказал: «Нам удалось распространить запланированную противника наступления на нашу родину». Этого для Берга означало достаточным, чтобы разум поддался инстинкту. Он немедленно понял, что это было наступление и чтичания, и перепуганным. Этого еще не поняли солдаты, помонник Берг это понял точно. И сразу после этого он вызвал своего

Рисунок О. ВУКОВОЛА

агента, которому была присвоена кличка «Отто». Этот агентом был Коля.

— Вот что, — сказал Берг, когда они вышли на улицу, — передайте своему шефу, чтобы он не появлялся в городе. Его фотографии есть в гестапо, его очень ищут, равно как и вашу радистку.

— Откуда у гестапо может быть фотографии моего шефа? — удивился Коля.

Берг быстро взглянул на него и понял — все ладно, он достаточно долго работал в контрразведке против русских, чтобы понять то положение, в котором очутился шеф русской разведки.

— Вот что, — сказал он, — устройте мне как можно скорее встречу с вашим шефом.

Берг решил, что он, побеседовав с глазу на глаз, укрепит свои позиции на будущее разведки, понимая великое умение продавать и покупать тайны друг друга.

— Хорошо, — сказал Коля. — Устрою.

— Теперь дальше... Мы получили кое-какие данные о том, что ваши готовят наступление. Вы не в курсе?

— Нет.

— Мы передали своим те данные о защитном вале по Висле — Одру?

— А что?

— Нет, ничего. Просто интересуюсь. Как вышли синими?

— Синими получились хорошие.

— Не сердитесь на меня, но в данном случае понаблюдайте на мой опыт: эти синими надо переправить ваши. По радио это и опасно и бесполезно.

— Вы что, хотите предложить свою наладку? — спросил Коля.

— Садитесь, пожалуйста, подальше — это национальная черта русского характера или благоприобретенная? — улыбнулся, спросил Берг.

— Вы имеете в виду бдительность, по-видимому, — тоже улыбнулся Коля.

— Нет, я имею в виду подозрительность, именно подозрительность.

Коля остановился и сказал:

— Полковник, вы давно не замечали, как приятно скрипит снег под ногами?

— Нет?

— Ничего, — ответил Коля, — просто я впервые за всю войну заметил, как это прекрасно, когда снег скрипит под ногами.

— Вы из пахоса с обувью? Я могу выдать вам сапоги.

Коля снова улыбнулся.

— Нет, — ответил он, — сапоги у меня хорошие. Спасибо.

— Почему вы светаете?

— Это просто так. Это у меня иногда бывает.

— Сколько вы любите?

— Нет, — говорил войдя засчитывают за три.

— Мало.

— Сколько бы вы предположили?

— Четыре ступени.

— Полковник, мне нумен Краух, — сказал Коля.

Полковник они шли молча. Город, словно чувствуя приближение чего-то грозного и неотвратимого, был затененный, бело-черным, как в трауре.

— Это слышно.

— Я понимаю.

— Когда он вам нумен?

— Он мне нумен сейчас.

— Это слышно.

— Когда вам пришли данные о нашем готовящемся наступлении?

— То есть?

— Что это, аррораведка, тактическая разведка или это данные из центра?

— Данные из центра я приучил себя не очень-то верить.

— Почему?

— Фантазеров много. И потом, они все переправляют с ног на голову; как решит фюрер, так они и оциент обобщенными данными, так и будет считаться всеми остальными.

— Это хорошо.

— Конечно.

— Очень хорошо. Из-за этого «хорошо» вы сейчас Краухов, и я работаю на вас.

— Даме если б фюрер не ставил данные с ног на голову, все равно мы были б здесь...

— Вы тактичный человек.

— Потому что не сказал о вас?

— Конечно.

— Все равно подумал, — сказал Коля. — Если по правде.

— Знаете, высшая тактика заключается в том, чтобы говорить не все, о чем думаешь про себя.

— Это тактика современности. Мы хотим, чтобы в будущем высшая тактичность человека заключалась как раз в этом, что думать, то и говорить.

— У Христа не было государства и армии — такой, как у нас.

— Это значит... Государство и армия во имя того, чтобы все люди говорили друг другу только то, что думают.

— У вас есть братья?

— Нет.

— Сестры?

— Нет.

— Да, меня тоже. Поэтому и особенно точно представляю себе, какими должны быть отношения между братьями.

— Нет, брати, мне не все вы мечтатели...

— Нам об этом уже говорили.

— Есть такая английский писатель Герберт Уэллс.

— Вы что, знакомы с ним?

— Знаю.

— Так вы, как вы встречались?

— Коля снова улыбнулся.

Полковник, сказал он, — это моя тайна. Во всяком случае, это точно. Он сказал, что мы все кремлевские мечтатели... Так как же с Краухом?

— Надо подумать. Когда я увижу вашего шефа?

— Завтра утром.

— Хорошо. Я не спрашиваю, где. Вы, видимо, найдете возможность устроить эту встречу достаточно ловно.

Первый вопрос, который Вихрь задавал Бергу, был о Траубе.

— Это для меня новость, — ответил полковник. Я ничего об этом не знал.

— Как узнать подробности?

— Это невозможно. Гестапо не пускает нас к себе. Мы — армия, они — партизаны.

— Что можно сделать?

— Ничего.

— Как вы экономите?

— Вам хочется достать с небла луну? Я не буду выполнять это ваше желание. Оставьте Траубу, хотя мне его жалко: это талантливый журналист. Вернемся к нашим играм. Я просил Отто передать вам, чтобы вы не появлялись в городе. Попоно...

Вихрь медленно потушил сигарету и спросил:

— А вы говорите, что вас до гестапо не допускают.

Первый раз вы со мной откровенны.

— Третий. Не в это дело.

— А в чем же?

— Сейчас — в Траубе и Краухе.

— Нет. В вас.

— Да?

— Да. Вы понимаете, что будет с вами, если папа из гестапо пожелает васшить и доверит. Разве нет? Тем более вы смиралы это от своих сотрудников, даже Отто про это не знал. Но командование узнает об этом, поскольку. Не будите меня оплеуном, пожалуйста. У вас же вышло с Мухой, но выйдат и со мной. Я знаю вас по Мухе; я его расстрелял — теперь нет смысла смирять. Но это — прошлое, так что это не дивителенно; у вас свои козыри, у меня свои. Мне хотелось бы связаться с Краухом.

— Вы связывались с Центром?

— Нет.

— Очень хорошо, что вы ответили мне правду; от вас был только один короткий переказ. Так что меняйте точку, она засемена.

— Да?

— Точно сказать пока не могу, но где-то в северо-западу от Иранола, километрах в тридцати. Точно, — отметил для себя Вихрь, — остинкий домик именно там. Но ведь Аня не могла выйти из связи сама, без моего разрешения. В чем же дело?

— Это не наши люди, — сказал Вихрь, — тем не менее спасибо, учитель Викино, это партизаны или наладки нашей системы.

— Последние исключите.

— А может, наше несчастье с Аней? — ударь мелничку у Вихря. — Девочка там одна! Короткая ссылка! Момет, не валил там случается?

— Вы убедены? Ваш аппарат в этом смысле безграмотен?

— Абсолютно.

— С центром я связюсь сегодня. Завтра я или мои люди переправят все относящиеся и назад.

— Хорошо.

— Когда вы продумаете операцию с Краухом? Это будет знать. Он вам знает... С Краухом надо сделать все так, чтобы было просто, без мудрствования. Видимо, на мудрствовании у нас нет времени. Я попробую что-нибудь подсказать...

— Хорошо.

— До завтра.

— Вот, хорошо.

— Может быть, Трауб позвал на Тромичинско-Оу — у вас было, чтобы вы отпустили его? Или в лес? Нет. Этого не могло быть. Тромичинский язык не делает этого. Тромичинский — железный человек, не сможет. В городе его нет — надо срочно ехать за город, предупредить, чтобы он смирался, и забрать Амиуту. У Седого есть запасные квартиры?

— Когда Вихрь рынком отворил дверь охотничьего домика, Аня поднялась и сказала Тромичинскому, который был с ней: Вихрь.

— Подожди.

— Нет времени, Аня, — сказал Вихрь, — обо всем позже.

— Пусть он выйдет, — снова сказала Аня, и Вихрь увидел в ее руке парабеллум.

— Боронито. То, что перелала Аня, правда. Я был в гестапо. Для того чтобы бежать, да согласие на перевербование. Завтра да очную ставку Ане и Бергу. Прошу санкционировать продолжение работы, которая уступила в решающую фазу. Спасение Иранола гарантирую. Выл, есть и осталось большинство. Прошу принять данные на Берга, сообщенные им Коле...

И в самом конце: «Штаб гитлеровцев получил данные о передвижениях на нашем фронте, которые расцениваются Бергом как подготовка к возможному наступлению. Принять меры. Связь прерываю. Выступ сегодня ночью. Вихрь».

Нобцов вернул Меньшикову донесение, покрутил головой, хмыкнул и сказал:

— Очевидно, дело в этом случае и руководство не колеблется бы в оценке всей этой натав...

— А ты? — спросил Бордин. — Как ты?

— Я себя от руководства не отдаю. А ты?

— Знаешь — величико ответил Коля. — Я стался себе никогда не отдавать от нашего дела, а от наших административных и военных предписаний руководителям есть доля определенной несрочности. Не находишь?

— Не нахожу.

— Ну, это — твоё дело, — пожал плечами Бордин.

— Именно.

— Давая будем связываться с руководством, то верно. Что им говорить? Как предлагаш?

— А ты?

— Мы с тобой не в прятки играем.

— Хорошая игра, между прочим. Иногда не грех. — Тот же справедливо. Только так Бордин и вынул голубой радиоприемник. — И не до прятки с нами. Они с врагом в прятки играют.

— Спасибо.

— Мы с тобой эти самые ваши высокие слова? Люди. Люди, понимаешь, порадение крокодолов. Это хорошо, потому что ты классно учишь. Я стался за теми людьми — дело, спасение Иранола. И мы с тобой за это дело отдаем в радио, в степляки. Или нет? Я готов немедленно отгравить им радиogramму; пусть радиу черед фронт на проверку.

— Не лишнее решая.

— Вот так, да?

— Вот так, именно.

— Хорошо. Сейчас я составлю две радиogram-

ДЗЮ-ДО ИЛИ САМБО?

Александр КУЛЕШОВ

На этот в общем-то уже не очень новый вопрос можно было бы ответить, сославшись на тоже не очень новые факты.

Ну, например: в 1957 году во встрече советских самбистов и венгерских дзюдоистов, проходившей по компромиссным правилам, победили наши спортсмены со счетом 47:0. Примерно так же окончилась встреча с командой ГДР. Можно было бы сослаться и на то, что, начав участвовать в соревнованиях по дзю-до, наши самбисты очень быстро достигли солидных мест на мировом, европейском и олимпийском пьедесталах почета.

Но ответить так — значит ничего не сказать.

Вероятно, следует объяснить причину явного преимуществ борьбы самбо над дзю-до. А для этого необходимо хоть немного вспомнить историю обоих видов спорта.

Упоминания о борьбе, которую можно было бы с натяжкой считать предком дзю-до, содержатся в японской хронике, датированной 720 годом нашей эры. Но все же наиболее популярна легенда о том, как некий японский врач Асакура Широбен, увидев, что под тяжестью снега толстая ветка вишневого дерева сломалась, а тонкая, гибкая еловая, сбросив снег, выстоялась, воскликнул: «Сначала поддается, чтобы потом победить!» — заперся в своем доме и долго разрабатывал там в одиночку свою новую систему самообороны.

Так ли оно было в действительности или нет, но легенда эта получила широкое распространение и в какой-то степени стала знаменовать рождение дзю-до, вернее, дзю-джитсу, превратившегося позже усилиями Дзигаро Кано в борьбу.

Дзигаро Кано вошел в историю как «отец дзю-до». И, надо отдать ему справедливость, немало потрудился, чтобы все об этом помнили. Достаточно сказать, что благодаря своему открытию он не только стал паром, президентом японского Олимпийского комитета и т. д., но и, умерев в 1939 году, оставил в качестве главы к тому времени уже мировой «империи дзю-до» своего сына Рихи Кано.

А «империя» эта могла. Этим видом борьбы под руководством японских инструкторов или их учеников занимаются в мире сотни тысяч людей. В штаб-квартире дзю-до — Кодокане, в Токио, где одновременно тренируется более полутора тысяч человек, в том числе и много иностранцев, готовятся кадры инструкторов.

Взвехавшись затем по всему свету, они не только несут славу и хвалу дзю-до, но и приносят Кодокану весьма ощутимый материальный доход, отчисляя от своих астрономически накладок соответствующие проценты.

А платить, если хочешь заниматься дзю-до, приходится немало. В свое время шумная реклама наводила Европу, а затем и другие континенты. В Японии книга «Дзю-джитсу, дзю-до, самооборона без оружия», вышедшей в 1958 году в Западной Германии, некий А. Глюкер писал: «Слабый человек весом в 40 килограммов, но знающий дзю-до, равен четверым, весящим по 90 килограммов, или шести, равным себе по весу...»

Таинственность всегда впечатляет. Поэтому Дзигаро Кано любил выражаться весьма туманно: «Конечная цель дзю-до — вздуть в душу человека уважение к принципу максимальной эффективности».

Не терпите времени, пытайтесь выкинуть в смысл этих слов. Все равно ничего не поймете. В дзю-до имеется сложнейшая система классификации —

ни много ни мало 19 разрядов! Низшие — «кю» — с 6-го по 1-й (Ронкю, Гонкю и т. д.). Высшие — «даны» — с 1-го по 12-й (Содан, Нидан, Сандан и т. д.). И еще сверхъестественней — «Сихан». Каждому разряду, или группе, присваиваются поспея особые цвета.

Официальная таблица разрядов, опубликованная Кодоканом, заканчивается довольно забавной припиской: «Сихан присваивается лишь дзюдоисту, имеющему 12-й дан. Это звание фактически не было дано ни одному дзюдоисту, кроме покойного профессора Кано, нашего основателя, который присвоил его себе сам».

Система присвоения разрядов сложна и нелепа. Так, нынешние чемпионы мира и Европы имеют куда более низкие даны, чем какие-нибудь драхлы чунтяуля.

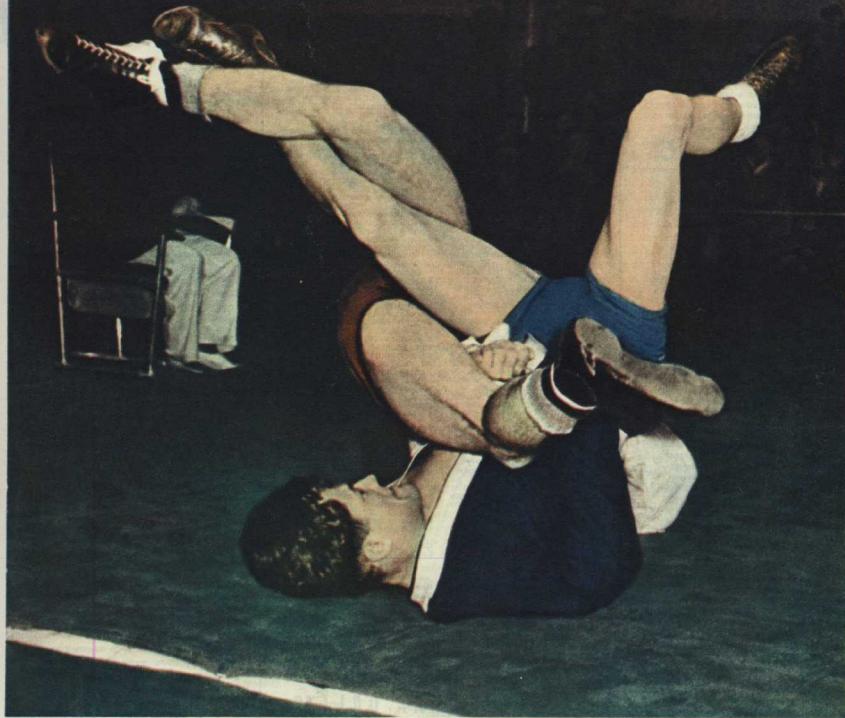
Низшие разряды («юосае)

присваивают «профессора дзю-до» своим ученикам, каждый раз выходящая за это новые гонорары.

Мистика, таинственность, предрассудки перед Кано (на занятиях делаются поклоны в сторону его портрета), сохранение самых архаичных форм — все это должно оберегать авторитет японцев в дзю-до.

«Отцы» дзю-до ожесточенно противятся всяким попыткам изменить, усовершенствовать свою борьбу. Каждый раз, когда в Международной федерации дзю-до обсуждается вопрос изменения правил, методики судейства и т. д., приходится преодолевать яростное сопротивление японских представителей.

И сейчас еще большинство судей международной категории — японцы, терминология — японская, архаичные дзюдоистов нелеп и корячен.

А самбо! Борьба самбо неизмеримо моложе дзю-до. Хотя и у нее, конечно, были предшественники, все же ее годом рождения следует считать 1938-й, когда она приказом Всесоюзного совета физической культуры была признана официальным видом спорта.

Самбо в отличие от узконациональной японской дзю-до — широко интернациональный вид спорта. В той-то и ирония судьбы, что до последнего времени дзю-до было международным видом спорта и даже вошло в программу Токийской олимпиады, а самбо практиковалось лишь у нас.

Самбо представляет собой ступень интентассации, что многие национальных видов борьбы (есть в ней приемы и дзю-до). Ведь на территории нашей страны и за рубежом культивируются десятки народ-

ных видов борьбы. Все они питают самбо.

Если бы самбо и дзю-до начали сегодня в равных условиях свое существование (без предшествующей шумной и широкой рекламы дзю-до по всему миру), думаю, что дзю-до вряд ли получило бы широкое распространение как вид спорта.

Рассмотрим спортивные отличия этих двух видов борьбы. Одежда. Дзюдоисты борются в неудобных, вечно спадающих (что требует остановки поединка) одеждах, подпоясанных все время развязывающимися поясами. Борцы в такой одежде, да еще босие, выглядят просто смешными. У самбистов одежда аккуратная, пояса пришиты, на ногах — борцовки. Как часто в условиях, скажем, реального боя нападающий или обороняющийся будет босиком! Да и вообще, кроме

плаванья, прыжков в воду и водного поло, нет ни одного современного вида спорта, в котором на спортсмене не было бы обуви.

Приемы. Чтобы получить победу в дзю-до, достаточно бросить противника на спину, причем сам ты можешь полететь вслед за ним. Но это явно невозможно и нелогично. Ведь одно дело — свалить противника и свалиться вместе с ним, и совсем другое дело — остаться при этом на ногах, имея возможность провести новый прием, связать упавшего, позвать на помощь или оказать ее кому-то. В самбо чистая победа дается лишь за такой бросок, при котором ты остаешься на ногах. Это считается вершиной мастерства и сразу приносит победу.

Подобных нелогичностей в дзю-до немало. В то же время в самбо, при том, что это увле-

кательный и интересный вид спорта, не упускается из виду его прикладной характер, необходимость учитывать условия практической жизни.

Есть и ряд других отличий. Например, в дзю-до достаточно удерживать противника на лопатках в течение 30 секунд, после чего схватка считается выигранной, а в самбо удержание в течение 20 секунд приносит лишь очки. Через 20 секунд удержание прекращается, и схватка возобновляется. В борьбе самбо совершенно отсутствуют удашающие приемы. Правда, в жизни такой прием может потребоваться, но на спортивном ковре он настолько невзвешивен, неспортивен, что самбисты не применяют его: он запрещен.

Различна и продолжительность схваток: огромный, труднообъяснимый разрыв от 3 до 20 минут в дзю-до и неболь-

Перед вами два почти одинаковых снимка. Слева — дзю-до: противник брошен наземь, схватка закончена. Справа — самбо: обоюдная атака, ситуация меняется буквально каждую секунду, предсказать победителя невозможно.

Фото
А. БУРДУКОВА
и Л. БОРОДУЛИНА

ЕТАЙ, ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

гол в клетке, герань. Жена Павла, Пелагея Ивановна, очень рудавшая, полная женщина в цветном сарафане, уткнула меня русским борщом и оладьями с медом.

— Сама я тоже оттуда, из Венешской! — мечтательно говорила она пучком, притупленным голосом и опускала большие грустные глаза. — Оттуда, где стругается тихий Дон, краса полей...

Могла вадыхала жена младшего брата Кудинова, Болгарка. Она и сын их Октаньян, восьми лет, ни слова не знали по-русски. Евгений, долговязый, с испитым лицом, держался естестволюбно и тоже все по-макивал, только поглаживая пальцами брововую пчелку, припрятанную к лацкану пиджака, вяло переписывая софийскую газету «Правда» эпохи.

Рослий, аеноглазый, с прямыми, в глубоких морщинах лбом и коротко подстриженными седыми волосами — так выглядел бывший есаул, храбро сражавшийся на фронте в первую мировую войну, кавалер георгиевских крестов всех четырех степеней. Отвислая нижняя губа и выдвинутый подбородок придавали его тяжелому лицу надменное выражение.

— Бежал я, дурак, с Дона, да и всю семью прихватил с собой, — рассказывал она. — Кресты пришлось в Харькове туркам продать: не на что было купить хлеба. Простите, я с вами откровенно. Да, и зол на себя, страшно зол. Когда началась эта война, я отдал бы остаток жизни, лишь бы покомандовать эскадронном и поубавить с треклятыми немцами. Но что поделаешь, я теперь лишь местный фотограф. А брат — пчеловод, у него своя пасека, шестьдесят пять ульев. С меда жить можно. А сначала мы с ним были «яйчарями» — собирали по полям яйца и сдавали их на склад маганца. Обувь в долл брали у сапожника. Чего только не пришлось испытать! Горькую чашу да два выпили. Доставалось и от болгарских шинковитов — за то, что мы русские, и от болгарских патриотов — за то, что служили в белой армии. В тридцать восьмом году полиция уехала меня в лагерь в Ивайловграде. Оттуда выслали в Турцию. Туркам зачем я? Выгнали назад в Болгарию. Прямо с пристани полицейские потащили в тюрьму, а через несколько дней ночью вытолкнули к румынам. Пошел в Добрич. А там кому я нужен? Перебросили опять сюда.

и обратно. В бухарестской тюрьме чуть не подох от голода. Зимой при переборке отморозил себе ноги... Как в Кишиневе, удалось остаться здесь, а Бялоу-Александрове, с условным янука не вылезать. Так вот и живем. Одно спасибо: зима на родине лучше ста весен на чужбине. Вот сморщите-ка, что у меня есть.

Я переставал толетую, о востимстах страниц, красиво переплетенную тетрадь с надписью на обложке: «Казачество в поэзии». Составитель полковник Терского войска Иван Томаревский, ныне покойник, тоже жил тут; работал на каменном карьере, укладывал шпиром в коробики на табачной фабрике. А вечерами у себя в хибаре утешался тем, что по памяти занемал казачьи былинки, думы, исторические, военные и бытовые песни да пером штриговал рисунки к ним делал.

Некоторые стихи из сборника, эмгрантские, Кудинов прочитал мне вслух с тоской в голосе:

Не польнсь с травой повислоию,
Не крапивошю разрастается —
То над вами, горемычанами,
Звон горюшню унаветает.
Все гроемт бедей немучею,
Не дает понять, как нам хочется.
Будто, слынуху, желтый лист
Ветром северным всходу носится,
Мощь назипал под злорядный смист
По кизини краем гибло тратится...

— Гибло тратится, — повторил он, трасуещей рукой закрывая тетрадь и притаяв дышанье. И вдруг, поджав голову, как-то ненатурально будто пропел:

Греним слава трубой,
Мы дрались, турон, с тобой;
По гарам эти Балнансим
Раздалась слава про насл.

Улучив минутку, Евгений указал брату на статью в газете под заголовком «Кто кого обгонит?». Сообщалось, что американцы находятся от Берлина на расстоянии 560 километров, а русские — в 316 километрах. Кто скорее дойдет до Берлина?

— Конечно, русские! — уверенно ответил Павел Кудинов.

...Потом реч зашла о Шолохове. Он не без торжественности раскрыл сильно потренированную третью книгу «Тихого Дона» и на одной из страниц показал подчеркнутые строчки: «Сурово на должности командующего объединенными повстанческими силами сменил молодой — двадцатисемилетний — хорунжий Кудинов Павел, георгиевский кавалер

всех четырех степеней, красной и уинца. Отличался он слабохарактерностью, и не ему бы править мятежным оружием в такое бурное время, но тянулись к нему какана за простоту и общедоступность. А главное, глубоко уходял корнями Кудинов в толщу казачества, откуда шал родом, и был типичным высокомерия и офицерской асоциозности, обычно свойственной высочам. Он всегда скромно одевался, носил длинные, в кружок подрезанные волосы, был ступолат и скороговорит. Сухопарое длинноногое лицо его каалось мужиковатым, не отличающимся ничем».

Других строчек, написанных о нем Шолоховым, Кудинов не подчеркнул и не показал. Но я запомнил ему эти строчки. Выглядел в них другой Кудинов — контрреволюционер, изверг, с незусткой улыбкой, спойнош писавший в письме к Георгию Вогатыреву, чтобы тот был окмоличейт расправился с пленными красноармейцами: «Самосуд — и все. Ни спроса, ни ответа».

— Шолохов, — сказал Кудинов, прчага глаза, — писал обо мне сущую правду. Теперь мне больше читать его книгу. Каждая страница точно по лицу клещет, хочется толчно на себе рвать: каким я был идотом! Только в одном не прав писатель: будто я глубоко уходял корнями в толщу казачества. Каким там корнями! Я думал только о себе, о своей карьере, о чинах, хотел проследить великим атаманом. Плохо держали меня мои корни, если вот куда занесло... Увидите Шолохова, кланяйтесь ему. Мол, Паша Кудинов кланяется, вот так, в пося. — И он повпылся, чуть не коснувшись лбом пола. — Одна думка у меня: хорошо, если бы все старое можно было начисто стертеть, забыть.

И такая жалкая улыбка скринила губы Кудинова и он поднимал на меня свои ясные глаза с таким молчаливым выражением, что стало как-то даже не по себе.

Как это у Гоголя: «У последнего подлюки, каков он ни есть, хоть все извалено его в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крушка русского чувства. И проснет оно когдо-нибудь, и ударится оно, горемычбы, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлону зиняну свою, готовый муками икупить поозорное дело».

Я не знаю точно, как сложились дальше судьба Кудинова. Поминичу, кто-то рассказывал мне, что не

нашел он в себе достаточной силы духа, чтобы вернуться на Родину...

В последние месяцы войны судьба не раз сводила меня с русскими людьми. Один, как Кудинов, растеся с родной землей десятки лет назад. Иные уже родились в чужеземном далеке. Но и те и другие, как бы ни относились к своему прошлому, в годину суровых испытаний, как правило, тягело переживали свою оторванность от России. И многие из них даже ценой жизни пытались икупить свое прошлое.

В год правозавания 20-летия Победы я прочел Указ о награждении боевым орденом Алексея Дуракова. Историю его мне рассказали еще в 1944 году югославские партизаны. Сын белоэмигранта, он сражался в их рядах с фашистами. Был пулеметчиком. И погиб в жарком бою на реке Саве 12 августа, перед самым нашим приходом на Балканы. Алексей Дураков писал стихи. Мне передали несколько из них, и я храню их до сих пор. Вот одно:

ВОСТОЧНЫЙ ВЕТЕР

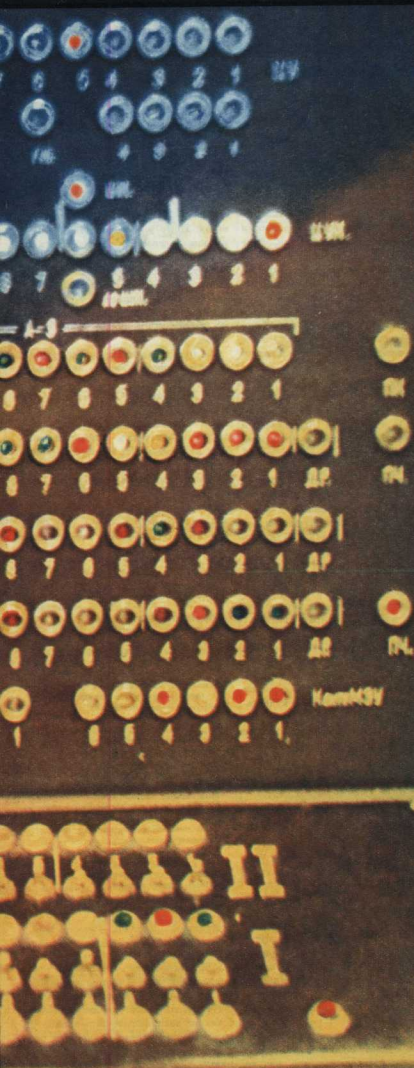
Под сенью лиу югославских —
Благословенна будь их сень —
Весь в мыслях горных и смуглыхских

Ненуный коротагем и
Алет вечер... На поносе
Косой срамленная трава:
Восточный ветер мне доносит,
Как сон, иксные слова
О детстве радостном, но иратном,
О юности, как бури вой,
О новой жизни, что загадно
Орунеча, как пеленю...
Улетай, восточный ветер,
Порхай, шепчи о жизни той,
Носись, гуди о жизни новой,
Бетонных и железных снах
И о симфонии суровой,
Размыгранной в смехах и льдах...
Откуда ветер и, шураша,
Запутался в высоних лилах —
То ли ветер, то ли душа моя.
И вот под шум древесной пачу.
Ручью траву торобя,
Что молодость свою я тучу
И зинью свою — не дал тебе.

Кудинов, Дураков — какие разные люди, какие разные судьбы!

...Вот так порой возмещая за старые блокноты — и вдруг за какой-то страничкой, записку реально опущить то, что в одиолдневных заботах не воспринимались реально, — ход истории. Историю, неуомимо выеудей от заблуждения и прозреию.

МАШИНА НА МАШИНА

Любовь и ненависть, гордость и жадность, самодовольство и робость, удаль и петровскость и тревога, благодарность и страх. Непрерывная борьба эмоций друг с другом и с разумом — непрерывный фон человеческой жизни, насыщенный рапсор, из которого кристаллизуются поступки. Литература на протяжении всего своего существования занималась анализом этой психической жизни. Сегодня в творчестве необходимость моделирования эмоций одним кором заговорили кибернетики.

Из немногочисленных пока содружественных машин наиболее интересны три: две [о них уже можно говорить как о «личностях»] существуют, а третья — «ученье-близнец» — пока еще в проекте. Но сразу оговоримся: только в вопросах и ответах можно промоделировать пока проявление мира психики. Действовать подобно эмоциям машины еще будут не скоро.

Первая модель, созданная американским ученым Лоуэллом, так и называется — «личность Олдос». В памяти у Олдоса хранятся не события, лица и факты, а только числа, числа, числа. Но от одних он испытывает страх, от других — гнев, от третьих — радость. [Я не ставлю кавычек, описывая эрзацы психических процессов, ибо ученые вполне серьезно играют в эти познавательные игрушки. Ведь назывались же черепахи тележки на колесах, обогащая представления с помощью фотоэлементов.]

Внешность у Олдоса непритязательна: пачка бумажных карточек, в которых проколоты отверстия. Это программа для вычислительной машины, считывающей с карточек числа. В памяти у машины уже хранится 730 чисел. Одно число условно означают в его памяти приятные, другое — неприятные эмоции. В связи с этим каждая карточка имеет набор цифр, выведенный в механической душе Олдоса борются чувства, ибо содержит в себе сочетание эмоций, приятных и неприятных. Ответ вызывает, что испытывает Олдос в данной ситуации и как он намерен поступить. Все три эмоции [радость, гнев и страх] были разделены по шкале в десять баллов. В очень тяжелых ситуациях, когда вводился набор цифр, означавших неприятные жизненные события, Олдос испытывал страх, или бы обрешающим его в бегство. В других случаях он обычно кидался в атаку [об этом со-общал заведующий лабораторией, но бывало и наоборот]. Иногда ощущал радость. По-выше или پایینее эмоциональным уровнем [количество баллов по шкале], с которого начиналась условная борьба или мимико бегство, можно было создать подобие характера. Так возникло несколько Олдосов, и чисто математические модели вдруг продемонстрировали их создатели, такие же сшибки эмоций, какие известны психологам и давно подмечены писателями.

Один, Олдос Нерешительный, был сделан малым и педантом. Он отступал, боялся, при очень сильном страхе, а нападает при очень высоком балле гнева. Введенную в него возможность совершать ошибки — принимать полезное за вредное и наоборот — он почти не использует, не отказывается на действие, пока не выяснит все наверняка. Он ошибается очень редко, его действия почти не влечут за собой наказания [наказание — ударная палица, штрафан в область отрицательных эмоций], но и радость [записи в область поощрения] достается в малых дозах.

Его противоположность — Олдос Легкомысленный — не стыдится ударить без оглядки, если набор мисел сулит ему неприятности. Но зато он так же слова голову бросается упасть при загромождении области гнева. Скорый на решения, он сплошь использует возможность ошибаться — он «спешит жить!» И в результате количество полученных им радости значительно выше [ката и условных «ушибов» не считать].

Наверно, очень преждевременно хвалить эту примитивную числовую модель психики при помощи литературных аналогий, но очень уж солидная похожесть, кто-то из писателей сказал удивительно точную фразу: «Хорошие дни выпадает на долю случайных людей, но лучшие дни достаются тому, кто поспешит безумным».

У братьев Олдосов есть и кратковременная память — об ошибках и удачах прошлых экспериментов, вчерашних радостях и несложной жизни. Но ведь похожие жизненные ситуации рождают у человека настроение, характер, индивидуальный взгляд на вещи, не правда ли? Неудачи и удары судьбы с легкостью превращают веселья в иррационального лессимиста.

Машина повторила это событие. Во враждебном среде постоянно получившая наказания Олдос даже благоприятный набор чисел стал принимать за вредный. И дополнительная порция наказания за эти ошибки только усугубляла его печальное настроение. Он тогда редко радовался, с осторожностью проявляя гнев.

А другому Олдосу исследователи, перевернув уровень эмоций, велики были оптимистом, и поощряемо порция поощрения да еще за толкование несложных чисел быстро утвердил его в этом качестве. Появились же его примитивной психике розовые очки помогали Олдосудачнику все обстоятельства оценивать как благоприятные. Снова перед нами вполне человеческая ситуация.

Вот пока и все об Олдосе. Как обрывается бы, должен быть один Фторбор, узнав, что психику изучают с помощью чисел! Он всегда говорил о магической власти цифр: «Уважайте науку о числах, ибо если выши порядки и представления — не более чем ошибки в расчетах».

УБЫВАЕТСЯ СТАТИТ

ВСЕГО ТРИ несложных эмоции — это, конечно, мизерно мало даже для модели. Молодой коллега Олдовос, киевлянин по имени Эрик [он сделал в одном из лабораторий Киевского института кибернетики] куда сложнее. Процесс его создания закончен, и теперь полным ходом идет воспитание и обучение. Он будет испытывать множество эмоций: тоску и радость, страх и страх, тревогу и удовольствие. О своих чувствах он никому не рассказывает [он тоже лишь плака картонка] но его ответы на вопросы пройдут обработку не только логическую, но и эмоциональную — это и определит их содержание, тональность, и направление. В памяти Эрика сейчас одно трескот слов. Триста знает двулетний ребенок, но и это совсем немало — многие из нас всю жизнь обходятся набором из тысячи.

Каждое слово несет в себе какую-то эмоциональную окраску, качество которой определяется биографией того, кто это произносит. Для каждого из нас эмоции от того слова связаны с ассоциациями [согласитесь, например, что слово «век» звучит по-разному для продавца швейных машин и слепых утюжков]. Чтобы словарный запас Эрика не просто подряд располагался в анналах памяти, а привнес в движение механизмы эмоций, Эрику была придумана биография, в соответствии с которой и завязаны цепочки его ассоциации.

Ему двадцать лет, он студент, недавно ушел из Киева, а вернувшись, узнал о нескольких постигших его бедах. Узнав его научную идею, кто-то под своим именем напечатал о нем статью; утюгу друг Борис вышел замуж; любимая девушка Ирина. Несколько многового неприятия для человека, способного рассказывать о них столь студийным набором слов. Возможно, эти определения сегодняшней трудности киевлян не доводке своего детства.

На отсутствие других споконбесники они тоже пожаловаться не могут. В процессе придания словам эмоционального содержания авторам Эрика приключилось поперемение станицы литературологов и лингвистов, психологов и математиков, инженерами просто и инженерами человеческих душ.

Есть у Малева рассказ, где некий профессор разоблачает убийцу, потребовав от него лишь одного: в ответ на каждое слово профессора быстро пронайти слово — первое, пришедшее на ум. Но подорожает подвода, объясняемым с легкостью соглашается на эту словесную перемену. Однако набор слов, заготовленный профессором, таков, что яркие воспоминания и чувства, связанные с недавним происшествием, непроизвольно извлекают из памяти преступнику слова, относящиеся и объектам, и убийце. Разоблачение состоялось. В рассказе воплощена очень существенная кибернетическая идея: эмоциональная

окраска почва подводящего слова, настроение думающего человека решающим образом влияют на перебор слов в архивах памяти.

Целочин словесных ассоциаций значительно разнится в зависимости от чувственного значения слов или целых фраз. Вот почему эмоции так полезны сегодня машинам. Настроение и обучение Эрика состоят из раз в часодня и регулируются эмоционального веса слов, которыми он станет пользоваться. Идет его настройка.

СЕЙЧАС УЧЕНЫЕ многих стран разрабатывают новые проекты эмоциональных машин. Одна из них, Уолтер Митти, изобразит группу личностей, которые встречаются время от времени, чтобы побеседовать друг с другом. Исходя из содержания и тона бесед, можно будет описать машинный характер каждого из близнецов Митти, а значит, попытаться предсказать их взаимоотношения.

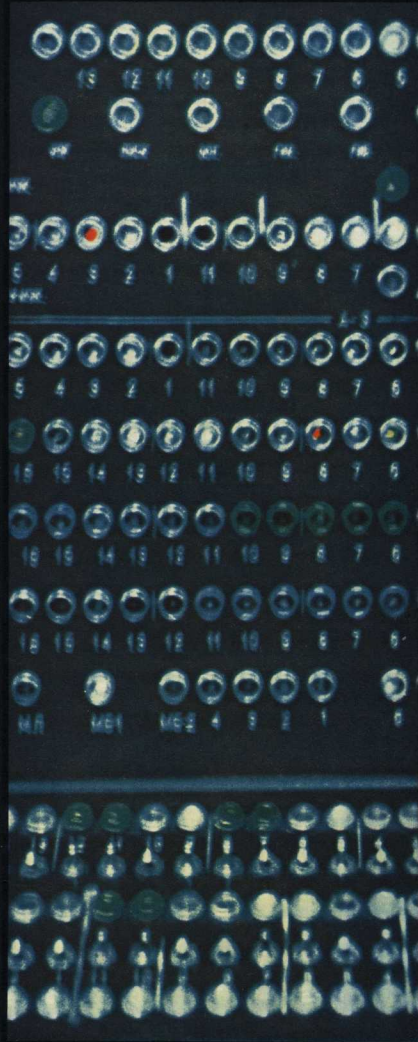
Клидин Митти будет состоять из нескольких блоков: блок уверенности, блок тревоги и беспокойства, блок, отражающий стремление к агрессии [в беседе это — мелане выделяется, убоить провинция, победить в споре], блок умиротворения [стремление согласиться, найти общую точку зрения]. У каждой машинности закрепится свои преимущественные уровни всех этих качеств, что определит их характер.

Проект предусматривает создание одной машины этих собеседников и обмена мнениями. Умысл, знающим больше машинам будет предоставлено для высказывания больше времени [если бы так было принято у людей]. Пока один говорит, другие выслушивают и обрабатывают поступающую от него информацию, готовя свои монологи. Если же уровень агрессии выше, подлинная информация перерабатывается слабее, чем внутренняя — это соответствует невнимательности собеседника. Последнее, что делает человек, включившись в разговор — проверяет, не говорил ли другой [правда, не всегда]. Если же уровень агрессии вырастает до очень больших размеров, собеседник превращается на слове, Митти выплывает.

Постараемся удержаться от чересчур эмоциональных слов по поводу конструирования таких моделей. Если хочется высказаться о будущем этих машин, подантазировать всласть и безнаказанно. Автор не без печали отказывается от мониторинга и эмоций. Тем более, что их вполне достаточно в самом тоне изложения темы.

И. ГУБЕРМАН

Такой, окрашенной то в радужные тона, то в мрачные, представляет себя наша машина, наблюдательная эмоция. В действительности же, пересказывая никак не эквивалентные ей металлическим лице машинным.

Счастье свины Бабирусы

Феликс КРИВИН

САТИРИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

Рисунки А. БАБАНОВСКОГО

Ноги у антилопы Бейам длинные и тонкие, как у Безорова козла. Шея у нее длинная и тонкая, как у Безорова козла. Рога у нее длинные и тонкие, как у Безорова козла. Поэтому, конечно, Безоров козел полюбил антилопу Бейаму.

У свины Бабирусы почему-то рога на носу. Такая неприятность: вместо того, чтобы вырасти на голове, рога у свины Бабирусы выросли на носу, и их никто не называет рогами. Их даже не называют бивнями, как у слона, а называют клыками — какой позор! — просто клыками, как у волка.

Безоров козел терпеть не может клыков, особенно таких больших, как у свины Бабирусы. Он считает их признаком дурного характера и старается держаться подальше от тех, кто имеет клыки. Он держится

подальше и тем, у кого длинная шея, длинные рога. И, конечно, конечно, Безоров козел полюбил антилопу Бейам!

Так-то вообще у свины Бабирусы все в норме. И приятная полнота, и короткая, совсем коротенькая щетина... Но клыки, эти клыки!

В последнее время ее все чаще спрашивают: — Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

Ну вот, пожалуйста. Оказывается, у Мамонта точно так же загребали клыки, только их у него называли бивнями.

— Нет, — говорит свины Бабирусы. — Я не знаю никаких мамонтов, у меня нет покойных родственников, я сама по себе.

Ну почему, почему она не может быть интересна сама по себе? Почему

от нее все отворачиваются, лишь только узнают, что она не родственница покойного Мамонта?

У антилопы Бейам никто не спрашивает о родственниках, ею интересуют лишь потому, что она антилопа Бейам, Бейам! До чего неприятное имя! И свины Бабирусы вертеть не может этого имени. То ли дело — Безоров козел... Свины Бабирусы называла бы его Безоровом. — Мой Безор, как ты спишь?

— Превосходно, мой Бабирусы. — К сожалению, все это только мечты, и никогда, никогда свины Бабирусы не узнает, как спал Безоров козел.

— Скажите, вы не родственница покойного Мамонта?

Кто знает? Вить может, и родственница. Но разве это что-то важно? Разве от этого изменут ее клыки и на голове вырастут рога — такие, как у антилопы Бейам? И разве от этого к ней придет ее Безор?

Безор... Странное, загадочное имя. Такое имя можно услышать только во сне, где и видны и слышны все подробности. И там, во сне, среди каких-то лесов, среди каких-то степен вдум услышешь ты: «Безор!» — чтобы потом, проснувшись, без конца повторять это имя.

Безор! Безор!

Все обычно. Все вокруг до того обычно, что хочется зажмурить глаза. Растут деревья, и корни их ползут по земле. И жуки после дождя. Когда это он прошел: в пятницу или в субботу? В пятницу еще было солнечно, а потом пошел дождь. Так всегда бывает: сначала солнечно, а потом дождь.

Мокрая земля легло листья под ногами. Шуршит листва. Птицы щебечут. Гудят грозы. И как всегда, таким обычным: «Безор! Безор!»

Скажите, вы не родственница покойного Мамонта, которая была... — Да, представьте себе. Я его ближайший потомок.

В чем дело? Почему все засуетились вокруг? И остаться в центре этого стада, а в центре этого стада она, свины Бабирусы. А кто ей подходит Муфлон. Он горит:

лучевая болезнь отступает

Как сообщила Японское информационное научно-техническое агентство, в Национальном институте радиологической медицины разработан препарат, с помощью которого можно лечить живой организм от радиоактивного облучения дозой, вдвое превышающей смертельную. Препарат представляет собой простое химическое соединение и называется «5-гидрокситриптофан».

Новый препарат испытывался на десяти тысячах животных. Интересно отметить, что животные, которым до облучения была сделана инъекция этого препарата, выжили.

Агентство сообщает, что 90 процентов лиц, лечившихся новым препаратом, продолжали жить, хотя они подверглись облучению дозой радиации, вдвое превышающей ту, которой были облучены 45 процентов жертв атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

камышовый фильтр

С развитием промышленности омысли сточных вод стала серьезной проблемой. Одним из простых и эффективных способов очистки вод, загрязненных химическими веществами, могут быть посиды камыша.

Для этого в спонийных водоемах высаживают большое количество камыша, который создает нам бы растительный экран. Стебли камыша, обладающие огромным количеством пор — 22 500 на квадратный сантиметр — выполняют роль фильтра. Такой фильтр способен поглотить часть фенола не без пользы для себя:

фенол благоприятствует росту камыша. Другая часть фенола, пройдя через поры, разлагается на кислород, питательные вещества, и газы, которые улетучиваются в атмосферу. Каждые 8 дней 1 литр воды освобождается таким образом примерно от 100 миллиграммов фенола. Кроме того, камышовый фильтр препятствует размножению вредных микроорганизмов, которые в загрязненных водах плодятся очень быстро.

Этот способ очистки предлагает институт имени Макса Планка в Мюнхене.

облака на млечном пути

Радионаблюдения обмундрили в нашей Галактике огромные облака водорода, которые приближаются к Земле с гигантской скоростью, достигившей 500 тысяч миль в час. Ранее считалось, что облака раннего водородного водород находится лишь в определенных районах Галактики. Но новые открытия показали, что эти облака охватывают значительную большую часть неба.

По одной из гипотез эти облака неизбежно войдут в контакт с нашей звездной системой Галактику примерно миллионы лет назад. Полагают, что во время этих взаимных взаимодействий Галактика в межгалактической среде постепенно расширяется и ее структура постепенно сжимается, приближаясь к звездной системе. Но это происходит за счет этого вещества, как бы падающего обратно в Галактику. Однако оно не утрачивает немаловажную способность: если даже она полностью охватывает Солнечную систему, на Земле их никто не заметит — настолько они разрежены.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

— От имени всех баранов разрешите вас поздравить, а также передать привет и самые теплые пожелания.

Потом Вык передает привет от быков, Осел — от ослов, Верблюды — от верблюдов.

Кто-то преподносит букет с великолепными крупными желудками.

Кто-то разваливает zemлю, что Бабурсы было удобней сидеть.

Все интересуются: Мамонтом. Как он жил, как он был, как он выглядел. Да, конечно, у него были клыки. Ну, и все остальное, как у свиных Бабурсы.

— Подумать только! — говорит Муфлон.

И остальные только:

— Подумать только!

Все интересуются Мамонтом. Говорят, что он был больше Слона, это правда? А что он ел, а чем он вообще интересовался?

— покойный Мамонт был моим предком, — напоминает свиная Бабурсы.

И тут из стада отлетаются козел Везар. Да, представляете себе, козел Везар выходит из стада, оставив там плачущую антилопу Вейзу. Он подходит к свиной Бабурсы и смотрит на нее — ели бы вы видели, какими глазами!

А свиная Бабурсы смотрит на него. Боже мой, какие у него ноги, и какая шкура, и какие рога! И вообще какой он, козел Везар!

И свиная Бабурсы говорит:

— покойный Мамонт был моим предком.

Потом они вдвоем выходят из стада, оставив там плачущую антилопу Вейзу, и идут вдвоем, и свиная Бабурсы высоко поднимает свои клыки, точно такие клыки, какие были у ее предка Мамонта.

И все вокруг совсем как во сне: и степи и леса. И тихий голос зовет:

— Везар!

Это голос свиной Бабурсы.

Они идут рядом, он и она, и она смотрит только на него, а он — только на нее. Если б вы видели, какими глазами! И уж ничего не слышно: ни грома, ни листьев, ни птиц...

— Как ты спал, мой Везар?

— Превосходно, моя дорогая!

У Муравьяда все в порядке

Если вы Муравей и торопитесь по своему делу и вдруг ни с того ни с сего попадаете в лапы Муравьяда, что вы на это скажете?

— Добрый день, — скажете вы, — чудесная погода, не правда ли?

— Превосходная, — пробормочит Муравьяда. — В такую погоду неплохо бы закустись, а?

— Не знаю, — скажете вы, — Мне лично что-то не хочется. — И добавите:

— Ну, я побегал. Мне еще нужно к Сверчку забежать, да еще к Жукку, да к Медведке, да?

И что было бы очень хорошо, если бы вы, Муравей, передали Медведку от него привет, а также это письмо, уже написанное, но еще не отправленное, в котором Муравьяда уведомляет своего друга Медведку, что все в порядке и никаких новостей нет, а также передать привет его жене, — так, значит, ее зовут Медведка?

И если вы Муравей, вы вряд ли станете ему объяснять, что Медведка — это одно, а Медведка — совсем другое. Вы скорее пообщаетесь с этим письмом. Благодарные за оказанное вам доверие.

Все в порядке, никаких новостей нет. Кажется, ясно сказано. Правда,

кто-то откусил нос нашему приятелю Долгоноски, и теперь Долгоносик ходит без своего носа, и его никто не узнает. Долгоносик очень переживает, потому что с ним даже никто не здоровается. А если б вы были Долгоноски и у вас откусили нос — вы бы разве не переживали?

— Я бы лично очень переживал, — говорит Сверчок. — Да, плохие дела...

Но вы-то сами знаете из письма, что дела совсем не плохие, что все в порядке и никаких новостей нет. Правда, Дровосек говорит, что с дровами все хуже и хуже, неизвестно, как будем зимовать. Пока лето, можно побегать на чистом воздухе, а что будет осенью? Что будет осенью, этого никто не знает. «Все померем», — говорит Жук-могилищик, но это еще не точно, чтобы знать точно, надо сначала дожить до осени.

— А я вам говорю, что все померем! — говорит Жук-могилищик.

Но как же тогда письмо? Ведь в нем ясно сказано, что все в порядке, значит, беспокоиться не о чем. Время покажет. Поживем — увидим. Утро вечера мудренее. Медведка, вечера нечетно, удивится письму.

— Медведь? Нет, мы с ним не родственники. Возможно, что-то козало-было, теперь уж не докопаться.

Понятно, Медведка — это одно, а Медведь — совершенно другое. Вы и сами это отлично знаете, и если пришли к ней, то только для того, чтобы набавить себя от визита к Медведке. Вы с ней настолько знакомы, не такие уж у вас отношения... Да и вообще Медведка — это одно, а Медведь — совершенно другое...

— Муравьяда пишет, что у него все в порядке и никаких новостей нет. Ему очень нужно, чтобы об этом узнала Медведка, потому что они старые приятели.

— Это какой Муравьяд? — спросит Медведка. — Тот, который слопал у нас муравейника?

Если вы Муравей, вас, конечно, поравит эта новость, хотя в глубине души вы будете надеяться, что никаких новостей нет.

— Целый муравейник? Не может быть! Ведь здесь написано, что все в порядке...

— Смотря у кого. У него, возможно, в порядке.

У него — это значит у Муравьяда. У Муравьяда, с которым вы так много беседовали о погоде, который был настолько любезен, что доверил вам письмо...

Но Медведка говорит, значит, она знает, Медведка говорит только то, что знает, а знает она абсолютно все. Когда жук Кузьма оставил семью, и когда он вернулся к семье, и когда он ходил по всем этим значным местам (потому что питается Кузьма исключительно алкаем), — то об этом знал раньше все? Конечно, Медведка. Она еще тогда говорила, что знает. Медведка знает, что говорит... Но как же в письме...

— Вот видите, здесь написано черным по белому.

Черным по белому. Черные буквы сблизил в кучу, как муравьи, чтобы их удобней было слопать.

Там, может быть, это неправда, что никаких новостей нет?

И если вы Муравей, вы в эту минуту вспомните о Долгоноски, у которого так несправедливо отрубили нос, и о дровах, и обо всех других неприятностях. И вы подумаете, что, возможно, не так-то все вокруг и в порядке... Если вы Муравей.

А если вы Муравьяд, вы, конечно, подумаете другое.

1. Дорисуйте недостающие фигуры.

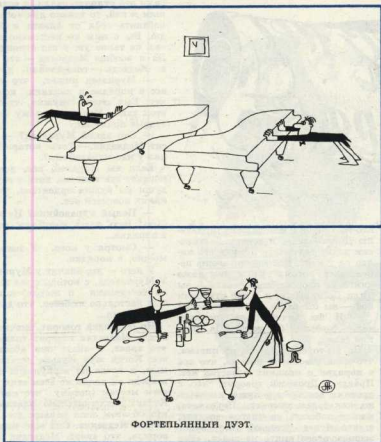
2. Проставьте недостающую букву:

К — Е — Е
Р — Е — К
Ц — К — ?

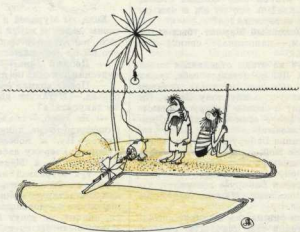
3. Найдите десять отличий между этими рисунками.

Рисуюнок
В. БЛАНКМАНА

ФОРТЕПЯННЫЙ ДУЭТ.

Рисунки А. НЕКРАСОВА

— ПО ВИДИМОМУ, Я ГДЕ-ТО ОШИБСЯ В РАСЧЕТАХ.

— ТЕПЕРЬ ВЫ ВЕРИТЕ, ЧТО У НАС БАТАРЕИ ХОЛОДНЫЕ?

— М-ДА, МНЕ, КАК ВСЕГДА, ВЕЗЕТ!

Рисунки В. ТИЛЬМАНА

Первая
страница
обложки:
На маневрах.

Фото
В. МИШИНА

Главный редактор В. И. САМОХИН.

Редакция: К. И. Андреев, В. Н. Ганicheв, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. Н. Ефремов [ответственный секретарь], К. И. Замошкин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кулешов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчинов, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стунов [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделы: литературы и искусства — Д 1-32-84; очерка и публицистики — Д 1-03-51; международной информации — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; письма — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотосъемки и репортажа — Д 3-30-97; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 0-29-36.

Художник-оформитель В. Соколов.
Технический редактор И. Вудина.

А 0020. Подписано и печатано 28/1 1967 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. Печ. л. 4.
Усл. печ. л. 5,8. Тираж 1 100 000. Изд. № 231. Заказ № 107.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Слова С. ГРЕБЕННИКОВА
и Н. ДОБРЯКОВА

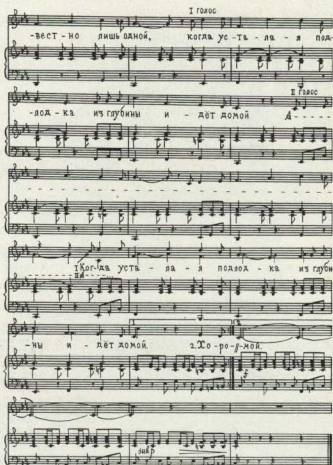
Музыка А. ПАХМУТОВОЙ

Лодка диким давлением сжата,
Дан приказ — дифферент на кору,
Это значит, что скоро ребята
В перископы увидят волну,
В перископы увидят вошу.

Припев:

На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подложка
Из глубины идет домой.

Хорошо из далекого моря
Возвращаться к родным берегам,
Даже к нашим несласковым зорям,
К нашим вечным полярным снегам,
К нашим вечным полярным снегам.

Припев.

Не прощу за разлук прощенья,
Хоть пришлось мне от дома вдали
Испытать глубинной погруженья
Глубину твоей чистой любви,
Глубину твоей чистой любви.

Припев:

На пирсе тихо в час ночной,
Тебе известно лишь одной,
Когда усталая подложка
Из глубины идет домой.

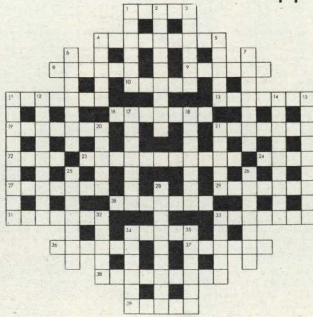
К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

1. Велосипед с мотором.
4. Литовский композитор и художник.
8. Белорусский поэт.
9. Сиульский автор пьесы Минин и Пожарский.
10. Герой романа Д. Дефо.
11. Областной центр на Украине.
13. Парнокопытное млекопитающее в Греландии.
16. Пустыня на севере Чили.
19. Тригонометрическая функция.
21. Птица отряда журиков.
22. Цветок.
23. Превращение, видоизменение.
24. Международные договоры.
27. Произведения равных сомонистей.
29. Столица автономной Советской республики.
30. Черный медведь, обитающий в Северной Америке.
31. Итальянский композитор эпохи Возрождения, основоположник учения о гармонии.
33. Персонажи оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста».
34. Образец, взятый для анализа, проверки.
36. Минерогранит.
37. Планета.
38. Порода крупных собак.
39. Помещение в школе.

По вертикали:

1. Советский поэт.
2. Острое, забавное выражение в устном народном творчестве.
3. Советское спортивное общество.
4. Виноградный черенок для посадки.
5. Растение семейства злаковых.
6. Композитор, автор оперы «Моревальские колокола».
7. Исполнение музыкальных произведений по определенной программе.
8. Составитель хронологических записей исторических событий.
12. Прибор для измерения углов кристаллов.
14. Киноактер и киножурналист, лауреат Ленинской премии.
15. Советская армянская поэтка.
17. Картина М. В. Громова.
18. Часть слова.
20. Повесть А. П. Чехова.
21. Площадка с сеном и травой.
25. Минеральное удобрение.
26. Вершина Кавказа.
28. Советская пианистка и композитор.
32. Участок пустыни с растительностью и водой.
35. Представитель асповетского рода войск.
34. Вид теллицы.
35. Тропическое плодое растение.

Составил А. ЕЛИСТРАТОВ,
г. Тула.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫ В № 3

По горизонтали:

1. Циклотрон.
4. Натрий.
8. Котангенс.
9. Иттрий.
10. Турман.
11. Луца.
13. Омут.
15. Напряженье.
18. Лулео.
18. «Солнце».
19. Венеция.
21. Ареометр.
25. Вайбарис.
23. Мауриний.
24. Интервал.
28. Австрия.
29. Пизва.
30. Венгр.
31. Черноморья.
33. Турс.
35. Аппы.
36. Апрель.
37. Амьен.
38. Небольсин.
39. Логоледия.

По вертикали:

1. Целлюлоза.
2. Лена.
3. «Титан».
4. Нейтрино.
5. Катонина.
6. Альтай.
7. Гуго.
8. Сидягиски.
12. Гольдбергшпелер.
14. Полуторовидие.
17. Шампань.
18. Грибоудон.
19. Витриан.
20. Ясачная.
23. Магнетрон.
25. «Лугенсия».
26. Августин.
27. Кристалл.
31. Чернь.
32. Вердо.
34. Собо.
35. Альп.

БЕРКУТЧИ

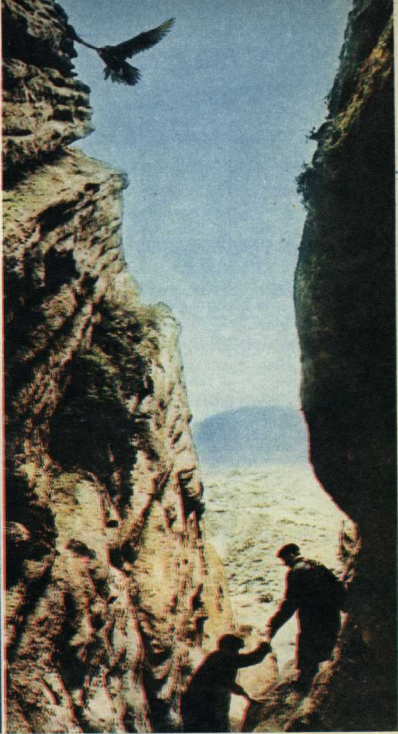

Фото А. ПОЛЯКОВА

Беркут — это орел, А Беркутчи — охотник с орлом. Орла зовут Дямбас. Охотника с орлом — Иманалы То-регельдиев. Дямбас родился и вырос на безымянной вершине Тянь-Шаня. Иманалы — в селечки Дархан, откуда глаза открыты вечные и суровые снежнотопляе горы.

Сколько лет Дямбасу — неизвестно. Иманалы — 84 года. Орел помнит только одну, которая была темнее самой темной ночи и плотнее самого туского ветра. Темноту, которую не могли разорвать ни крылья, легио несшие его к солнцу, ни ноги, оставившие след даже на сильном камне. А потом был кто-то с двумя крыльями без оперения. С ночника зтик крыла Дямбас долго-долго склеивал сочное мясо. Сначала он вздрагивал и гневно клекотал, видя приближавшиеся и нему страшные крыла. Потом привык и уже с нетерпением ждал их появления. А потом, потом был солнечный, синий до самых дальних белоглазых вершин день. И вдруг нечто плотное, непроницаемое, как

намень, закрыло солнечную синеву. Дямбас сардито заклекотал. Но два крыла властно и бережно подлили его и посадили на что-то твердое и вместе с тем податливое. Он зачехлялся и почувствовал, что медленно летит над землей. Дямбас хотел было расправить крылья, но разве можно летать с закрытыми глазами? Крылья лишь дрогнули и опали. День блеснул ему нежданно, непоторимо, как первый взлет из родного гнезда. Дямбас круто взялся и солнцу. Оно ослепило его, и он склонил гордые глаза и землю. Сначала все показалось ему зеленым. Но прошла секунда, другая, и на зеленом вспыхнула огненная точка. Дямбас набрал высоту, не отрывая от нее глаз, и по зеленому, ромденному долгой жизнью тысяч и тысяч его предков, сложив крылья, на нем пал на огненно-красного зверя. Побойным клекотом вострелил он подыхавшего козлина.

Там наев породились два орлиных сердца: беркута и беркутчи.

В. КОВАЛЕНКО

